

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кафедра международных отношений, политологии и мировой экономики

Муртазова Айгюль Хасановна

**«МЯГКАЯ СИЛА» В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
ИНСТРУМЕНТОВ ТУРЦИИ**

Выпускная квалификационная работа
на присвоение квалификации: «Магистр»
Направление подготовки 41.04.05 – «Международные отношения»
Направленность (профиль): «Мировая политика»

Научный руководитель:
кандидат политических наук,
доцент Е.А. Соловьева

К защите в ГЭК рекомендуется
Решение кафедры от _____ 2019 г.
Протокол № _____
Заведующий кафедрой _____

Пятигорск – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ		3
ГЛАВА I.	ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КАК МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ	10
1.1.	Концепция «мягкой силы» и ее эволюция	10
1.2.	Формы и направления реализации «мягкой силы»	19
1.3.	Особенности использования инструментов «мягкой силы» во внешней политике современных государств	29
ГЛАВА II.	«МЯГКАЯ СИЛА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ	40
2.1.	Особенности интерпретации и практической реализации концепции «мягкой силы» во внешней политике Турции	40
2.2.	Основные направления и инструментарий несилового влияния Турции в современном мире	48
2.3.	Пути повышения эффективности турецкой «мягкой силы»	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		56
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ		59
ПРИЛОЖЕНИЯ		73

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена современными тенденциями глобализации, в условиях которых образ страны в мире, ее культурный потенциал, международные экономические и научные связи выступают эффективным инструментом внешней политики, способным усилить и дополнить, а в некоторых случаях и заменить традиционные военную мощь и экономическую силу. Подобные тенденции приводят к трансформации внешнеполитического инструментария государства, пересмотру концептуальных подходов к системе обеспечения его национальных интересов, обращению все более пристального внимания к несиловым – «мягким» – методам и формам укрепления международно-политического влияния. Все это актуализирует вопросы изучения возможных направлений развития «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности современного государства, призванные определить наиболее эффективную стратегию выстраивания его внешней политики на международной арене.

Турция, претендующая на роль одного из ключевых игроков современного мира, не может оставаться в стороне от этих процессов. Сегодня Турция претендует снова занять свое место в мировом рейтинге «мягкой силы» “The Soft Power 30”. Концепт «мягкой силы» Турции можно рассматривать как результат синтеза различных подходов, составляющих теоретическую базу современной внешней политики, которая постоянно расширяется и усложняется по мере разработки новых идей. Турция обладает действенной доктринальной базой по использованию «мягкой силы», которая имеет непосредственное влияние при достижении поставленных внешнеполитических целей.

Активно реализующая стратегию «мягкой силы» с целью укрепления своего положения как на региональном уровне, так и в мировом масштабе, Турция использует весьма обширный инструментарий. Стратегия турецкой «мягкой силы» не только иллюстрирует её политическую трансформацию, но

и является одной из основных стратегий, используемых с целью обеспечения роли данной страны как регионального лидера.

Начало полноценного понимания и использования ресурсов «мягкой силы» в Турции было поставлено Партией справедливости и развития, которая пришла к власти в 2002 году, благодаря реформам и выведению Турции в число эффективно развивающихся государств. Турецкое руководство понимало, что необходимо использовать все ресурсы «мягкой», «жесткой» и «экономической» сил, которыми она обладает. Однако акцент необходимо делать на «мягкой силе», так как ее влияние эффективнее. Сказанным определяется актуальность исследования особенности практической реализации концепции «мягкой силы» во внешней политике современной Турции.

Степень научной разработанности проблемы обусловлена возрастающей роль несиловых методов внешней политики, что обуславливает рост научно-исследовательского интереса к концепции «мягкой силы» и возможностям ее имплементации во внешнеполитическую деятельность современных государств.

Для определения значения и роли «мягкой силы» во внешней политике современных государств использовались работы А.В. Будаева, А.В. Гукасова, Е.В. Ефановой, М.В. Ларионова, М.М. Лебедевой, Дж. Ная, В.В. Полякова, Е.М. Харитоновой¹.

¹ Будаев А.В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы [Электронный ресурс] // Государственное управление. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-vo-vneshney-politike-rossii-istoki-osobennosti-perspektivy>; Гукасов А.В. «Мягкая сила» во внешней политике современных государств; Ефанова Е.В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государств // Вестник РУДН. – 2018. – №3. – С. 417-426; Ларионова М.В. «Мягкая сила» – ресурс внешней политики. [Электронный ресурс] // ВШЭ. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2014/07/08/1311918955/Презентация_мягкая%20сила%20итог.pdf; Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. – 2017. – № 3(54). – С. 214; Nye S.J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / S.J. Nye. – NY: Basic Books, 1990. – P. 149; Nye S.J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / S.J. Nye. – NY: Public Affairs, 2004. – P. 133; Поляков В. В. «Мягкая политика» Германии: наследие и перспективы // Молодой ученый. – 2016. – №15. – С. 390; Харитонов Е.М. «Мягкая сила» во внешней политике государства: опыт Великобритании (вторая половина 1990-х – 2010): Дис. ...

Вопросам внешнеполитического курса Турции и роли государства в глобальном мире посвятили свои работы В.А. Аватков, М.Э. Бостанов, А.Б. Бурашникова, В.Н. Панин, И.А. Свистунова¹.

Практика реализации «мягкой силы» во внешней политике Турции подробно исследовалась Ж.-П. Арриньоном, Е. Мустафаевым, К. Путц, И.А. Сотниченко, Р.Р. Сулеймановым, М.А. Сучковым, С. Хагом, П.В. Шлыковым

Признавая безусловный научный вклад указанных, а также других авторов в изучение внешнеполитических возможностей и потенциала «мягкой» мощи и влияния, отметим, что проблемы повышения эффективности турецкой «мягкой силы» на сегодняшний день не получили достаточного научного осмысления. Стремлением восполнить данный пробел был обусловлен выбор темы настоящего исследования.

Объект исследования – «мягкая сила» в системе внешнеполитических инструментов современного государства.

Предмет исследования – «мягкая сила» во внешнеполитическом инструментарии Турции.

Цель работы – проанализировать роль концепции «мягкой силы» в реализации внешней политики Турции, определить ее инструменты, определить способы повышения эффективности применения.

канд. полит. наук. М.: Нац. исслед. ин-т мировой экон. и междунар. отношений им. Е.М. Примакова РАН, 2017.

¹ Аватков В.А. Турция: поворот на Восток // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2017. – №2. – С.181-187; Бостанов М.Э. Современная внешняя политика Турции в условиях глобализации // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2013. – № 5. – С. 139-131; Бостанов М.Э. Интегрированность в глобальную систему как экстернальный фактор турецкой внешней политики. – Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 8. – С. 275-277; Бостанов М.Э. Глобализационные тенденции внешней политики Турецкой Республики в регионе Леванта: Дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск: ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», 2014; Бурашникова А.Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // *Известия Саратовского университета.* 2013. – № 2. – С. 65-69; Panin V., Paniev N. Turkey and Russia. // *Turkish Foreign Policy in the Post Cold War Era / Ed. by I. Bal. Boca Raton: Brown Walker Press, 2004. P. 253-267;* Свистунова И.А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности // *Вестник МГИМО Университета.* – 2016. – № 2. – С. 53-61; Свистунова И.А. Иракский фактор во внешней политике Турецкой Республики (1990-2006гг.): Дис. ... канд. полит. наук. М.: МГИМО Университет, 2007

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- 1) раскрыть понятие концепции «мягкой силы» в во внешней политике современных государств;
- 2) определить основные компоненты «мягкой силы»;
- 3) подвергнуть анализу компоненты «мягкой силы» в рамках внешней политики крупных государств;
- 4) проанализировать особенности реализации «мягкой силы» во внешней политике Турции;
- 5) описать основные и дополнительные компоненты в практической реализации «мягкой силы» во внешней политике Турецкой Республики.
- 6) выявить проблемы в использовании инструментов «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии и пути решения возникающих проблем.

Теоретико-методологические основы. В научно-теоретическом плане настоящее исследование внешней политики Турции основывается на современном исследовательском материале, монографиях, докладах, научных статьях отечественных и зарубежных авторов, материалах различных научных конференций, которые посвящены глобальным проблемам.

Методологическую основу исследования составили составили общенаучные принципы познания общественных явлений, методологические принципы системного, институционального и структурно-функционального подходов, что позволило оценить рассматриваемую проблему по ряду параметров. В ходе работы применялись метод соотношения исторического и логического, контент-анализ оригинальных источников и документов, методы классификации и систематизации, метод анализа отдельных ситуаций.

Эмпирическая база настоящего исследования может быть условно разделена на следующие тематические категории:

1. Нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность турецких внешнеполитических ведомств в различных странах, документы официальных государственных учреждений, уставы и программы ведущих

партий, двусторонние договоры Турецкой Республики и отчеты о деятельности МИД Турции;

2. Монографии ведущих российских и зарубежных ученых, исследующих проблематику современной внешней политики Турции и диссертационные исследования;

4. Стенограммы выступлений и заявлений государственных деятелей, официальных лиц Турции;

5. Экспертно-аналитические доклады и публикации аналитических центров, материалы СМИ (Al-Jazeera, BBC Türkçe, Habertürk, Hürriyet, New York Times, Reuters, Russia Today, Zaman);

6. Отдельную группу источников составили работы автора, собранные в ходе научно-исследовательской стажировки в Турцию (август 2015 г.).

Научная новизна дипломного исследования состоит в следующем:

– определены основные компоненты «мягкой силы», обуславливающие эффективность государственной стратегии «мягкой силы»;

– раскрыта сущность трансформации современной внешнеполитической концепции Турции, доказано, что она характеризуется многовекторностью, проактивностью, и ценностной ориентированностью;

– выявлены специфика инструментов «мягкой силы» во внешней политике Турции и проблемы ее реализации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Стратегия «мягкой силы» Турции как декларируемого основного инструмента внешней политики представляет собой «синтез» различных подходов, составляющих действенную доктринальную базу современной внешней политики, которая постоянно расширяется и усложняется по мере разработки новых идей. Данная политика на современном этапе базируется на внешнеполитической концепции «ноль проблем с соседями», направленной на укрепление и развитие связей дружественного характера со всеми близлежащими странами, и исходит из таких нередко взаимоисключающих идеологических установок, как 1) евроатлантическое партнерство, 2) братство

тюркоязычных народов, 3) единение мусульман мира 4) нерушимая связь с османским прошлым и в то же время 5) абсолютный прагматизм, стремление к экономическому благополучию.

2. С целью укрепления своего положения на региональном уровне Турция активно использует стратегию «мягкой силы» и обширный инструментарий ее реализации. Однако, несмотря на обилие инструментов и принципов, выработанных турецкими дипломатами, и на достаточно результативную практику реализации «мягкой силы» во внешней политике, современное турецкое руководство на текущем этапе сталкивается с серьезными проблемами при формировании своего положительного образа на международной арене.

Теоретическая и практическая значимость. Основные положения и заключения исследования дают возможность прогнозировать возможное распространение турецкого влияния на национальные элиты ряда стран, представляющие для Турции особый интерес. Некоторые выводы работы расширяют сложившиеся в науке представления о внешнеполитическом инструментарии Турции, что может служить теоретическим основанием для дальнейшего изучения данной проблемы.

Ключевые положения настоящего исследования могут представлять интерес для широкого круга специалистов, занимающихся данной проблематикой. Также они могут быть учтены при формировании российской внешней политики в отношении Турецкой Республики.

Содержащийся в работе фактологический материал и выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях по международным отношениям, а также в учебном процессе при чтении курсов по международным отношениям, мировой политике, теории дипломатии и другим дисциплинам.

Апробация результатов исследования. Основные результаты магистерского исследования, его теоретические подходы и выводы докладывались на международных и региональных конференциях. В

частности, материалы по теме исследования были представлены на III международной научно-практической конференции «Современная мировая экономика: проблемы и перспективы в эпоху развития цифровых технологий и биотехнологии» (15-16 июня 2019, Москва, Высшая школа MBA Integral (Корпоративный университет)), на региональной научно-практической конференции «Университетские чтения» (10-11 января 2019, Пятигорск, ПГУ).

Основные итоги работы нашли свое отражение в 3 научных публикации автора, размещенных в наукометрической базе РИНЦ¹.

Структура диссертационного исследования отображает логику исследования и подчинена решению поставленных задач. Работа состоит из введения, двух глав по три параграфа в каждой, заключения, библиографического списка использованной литературы, включающего 118 источников, из которых 65 на иностранных языках. Общий объем работы составляет 70 страниц машинописного текста.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ

1.1. Понятие «мягкой силы» и ее эволюция

Мировая власть меняется, старые аксиомы быстро исчезают. Политическая и экономическая мощь перемещаются с запада на восток и

¹ Муртазова А.Х. Роль «мягкой силы» в реализации восточного направления внешней политики Турции // Университетские чтения – 2018: материалы научно-методологических чтений ПГУ. – Часть 13. – 2018. – С. 60-64; Муртазова А.Х. Доктринальные основы современной внешней политики Турции [Электронный ресурс] // Аллея науки. – 2018. – Т. 1. № 8 (24). – С. 534-538; Муртазова А.Х. К вопросу о «мягкой силе» в системе инструментов внешней политики современных государств // Современная мировая экономика: проблемы и перспективы в эпоху развития цифровых технологий и биотехнологии. – М.: Контент, 2019 (в печати)

делятся между правительствами и негосударственными субъектами. Проблемы и возможности редко ограничиваются национальными границами, требуя сотрудничества, а не принуждения. В этом сложном многополярном мире границы «жесткой силы» – применение силы, угрозы, санкций – становятся все более очевидными, а концепция «мягкой силы» – использование притяжения и убеждения для достижения целей – перемещается из научного мира на первые полосы газет и в выступления политических лидеров. Однако более широкое использование не всегда означает более широкое понимание. «Мягкая сила» слишком часто неправомерно присваивается, чтобы обозначить все направления действий помимо «военной силы», и, как таковая, часто рассматривается в качестве этической альтернативы. Тем не менее, «мягкая сила» может использоваться в разных целях не как выбор между жестким реализмом и идеализмом, а как еще одна форма власти, способствующая достижению желаемых результатов. В контексте сказанного важным представляется исследование сущности «силы» и потенциала ее использования во внешнеполитической деятельности современных государств.

Точкой отсчета большей части концепций в теории международных отношений выступило понятие «силы». «История Пелопоннесской войны» Фукидида была одной из первых попыток концептуализации данного термина, где автор признал «силу» основой межгосударственных отношений¹. Для государств «сила» стала синонимом безопасности и возможности доминировать. В XX веке Г. Моргентау определил «национальный интерес» в терминах власти (силы)². Сегодня «сила» продолжает играть ключевую роль во взаимоотношениях между акторами международных отношений, однако в результате развития человека, общества, государств и возникновения новых технологий понимание и применение данного термина несколько

¹ Фукидид. История / пер. Ф. Г. Мищенко / Под ред. Э. Д. Фролова. – СПб.: Наука, 1999. – С. 34.

² Morgenthau H. Politics among Nations / H. Morgenthau. – NY: Alfred A. Knopf, 1948. – P. 111 p.

трансформировались. Как следствие подобных изменений трансформировалась и сама международная среда.

В современном научном дискурсе выделяется ряд основных механизмов реализации внешнеполитических интересов государства, так называемых «сил». Это «экономическая сила» (“economic power”), «жесткая сила» (“hard power”), «мягкая сила» (“soft power”) и «умная сила» (“smart power”). Целесообразным считаем дать краткое описание каждой из них.

Кембриджский словарь дает следующее определение «экономической силы»: это факт наличия большого влияния благодаря возможности много производить, покупать или продавать¹. Государства сегодня склонны наращивать свою «экономическую силу» как один из главных рычагов внешнеполитического воздействия. Она включает в себя финансовую, коммерческую и научно-техническую мощь. «Экономическая сила» может иметь как «мягкое», так и «жесткое» применение. К примеру, создавая благоприятный режим торговли в той или иной стране, предоставляя кредиты, обеспечивая прямые частные инвестиции в экономику данного государства, а также разворачивая на его территории свои производства, поставляя в данную страну передовые технологии и т.д., одно государство может создать определенную неформальную привязку к себе другого государства. Политическое давление может осуществляться также при использовании экономического эмбарго, санкций, квот на импорт, путем свертывания зарубежных инвестиций или производств и т.д. Сегодня примеров использования «экономической силы» в обеих формах достаточно много. Самый актуальный пример – санкции против России, Ирана, Венесуэлы.

«Жесткая сила» – это стратегия принуждения, с помощью которой одни акторы международных отношений заставляют других идти на уступки, на которые они иначе не пошли бы, а также стратегия сдерживания, чтобы помешать другому актору сделать то, что он сделал бы в противном случае.

¹ Economic Power [Электронный ресурс] // Cambridge Dictionary. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/economic-power>.

На протяжении длительного времени «сила» государства отождествлялась с его военной мощью, что было вызвано конфронтационным настроением на мировой арене из-за анархичности международных отношений. «Военная мощь, – писал профессор Принстонского университета У. Кауфман, – всегда служила основным показателем силы и престижа государства»¹. При этом имелось в виду наличие реальных вооруженных сил и военного потенциала страны.

На данном этапе «жесткая сила» продолжает играть одну из первостепенных ролей на мировой арене, несмотря на наличие невоенных способов воздействия на акторов международных отношений. Доказательством может послужить «гонка вооружений» 21 века, которая прослеживается в наращивании военного потенциала ведущими мировыми державами. Статистика показывает, что на военные расходы государства тратят значительную часть своего бюджета².

Инструментами «жесткой силы» считается не только наращивание оборонного потенциала. В этот список входит оказание военно-технической помощи, подготовка военных кадров для зарубежных стран, военное присутствие, в том числе наличие военных баз одного государства на территории другого, демонстрация силы и т.д. При этом стоит отметить, что последнее может использоваться и в качестве средства «мягкого» влияния: российские технологии в области вооружения, высокий уровень боеспособности ВС создают привлекательный образ России среди не только населения, но и руководства многих стран³.

«Умную силу» можно характеризовать как инструмент, который сочетает в себе все перечисленные «силы», что дает возможность эффективно сформировать наиболее выигрышную внешнеполитическую стратегию.

¹ Kaufman Y. Power and International Relations / Y. Kaufman. – NY: Princeton, 1956. – P. 122.

² Приложение 3.

³ На Западе не могут скрыть своего восхищения российской армией [Электронный ресурс] // Звезда. – Режим доступа: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201803011650-lrej.htm.

Данный вид «силы» начал рассматриваться относительно недавно. «Умная сила – это, прежде всего, теория, а уже затем стратегия»¹, разработанная после вторжения в 2003 году в Ирак. Данный вид «силы» признает различные формы силы и инструментов, которые можно применять для эффективного достижения целей.

Таким образом, существует широкий спектр внешнеполитических инструментов, который государства используют для обеспечения своих национальных интересов. Стоит отметить, что для реализации внешнеполитической стратегии государствам недостаточно использования традиционных механизмов – военных и экономических инструментов. В результате этого появилась «мягкая сила».

Термин «мягкая сила» был впервые введен в научный оборот в 1990 году профессором Гарвардского университета Дж. Наем, хотя сам автор приводит примеры использования данной «силы», уходящие вглубь веков и охватывающие культуры². Так, например, еще Лао-Цзу писал, что лидер является лучшим не тогда, когда люди подчиняются его приказам, а когда они едва знают о его существовании³.

«Мягкая сила» – не новое явление, и ее применение не ограничивается западным миром. Дж. Най использовал этот термин для описания способности страны использовать привлечение и убеждение для достижения внешнеполитических целей в противовес «военной силе» или финансовых платежей. Привлекательность «мягкой силы» заключается в том, что ее инструменты позволяют более эффективно достигать ключевых международных целей без больших затрат, связанных с применением, например, «жесткой силы». Способность страны взаимодействовать с

¹ Гаспарян П. Теоретические основы понятия «умная сила» [Электронный ресурс] // Политобразование. – Режим доступа: <http://lawinrussia.ru/content/teoreticheskie-osnovy-ponyatiya-umnaya-sila>.

² Nye S.J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / S.J. Nye. – NY: Basic Books, 1990. – P. 146.

³ Цитаты Лао-Цзы [Электронный ресурс] // Great Words. – Режим доступа: <http://greatwords.org/quotes/3086>.

глобальной аудиторией и привлекать ее никогда не была столь важна для процветания, безопасности и международного влияния, как сегодня.

На сегодняшний день существует достаточно много трактовок понятия «мягкая сила». Термин *soft power* на русский язык переводят как «мягкая сила», «мягкая власть», «мягкая мощь», «гибкая власть», однако важнее смысл понятия, а не его звучание и перевод. В России под «мягкой силой» принято понимать невоенные методы воздействия на общественность другого государства, при этом экономические, политические и другие инструменты принуждения тоже попадают под это определение¹.

Кроме того, очень часто проводят параллель между понятием «мягкой силы» и пропагандой. Как известно, у пропаганды имеется отрицательная коннотация. И при таком восприятии «мягкой силы», когда она не противоречит, а даже соответствует понятиям пропаганды, принуждения, сам термин приобретает отрицательную оценку. Стоит рассмотреть данный вопрос и выяснить, действительно ли эти понятия образуют синонимический ряд.

Рычагами воздействия «мягкой силы» на общественность чаще всего выступает культурная составляющая государства, однако назойливая демонстрация привлекательности вызовет, скорее, негативное восприятие и реакцию. В случае навязывания культурных ценностей и т.д., «мягкая сила» преобразуется в пропаганду. Автор концепции «гибкой власти» акцентирует внимание на том, что «мягкая сила» противопоставляется методам силового давления, что характерно для «жесткой силы»². Привлекательность обозначает осознанный и добровольный выбор.

¹ Будаев А.В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы [Электронный ресурс] // Государственное управление. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-vo-vneshney-politike-rossii-istoki-osobennosti-perspektivy>.

² Nye S.J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power* / S.J. Nye. – NY: Basic Books, 1990. – P. 149.

Важным в понимании привлекательности «мягкой силы» является учет ее мобильности. Привлекательность воспринимается по-разному: «То, что привлекает в Париже, может отвергаться в Эр-Рияде»¹. То есть «мягкая сила» по своей сути субъективна, и ее влияние часто зависит от конкретной цели. Именно по этой причине не существует какого-то определенного универсального инструмента «мягкого» влияния, который эффективно работал бы во всех странах мира. Показательным примером выступает медицинское образование в России, привлекательное для студентов из азиатских стран, например из Индии, которых устраивает критерий «цена–качество»². В дальнейшем выпускники будут работать в своем государстве в заведениях, где нет новейших и дорогостоящих технологий, как, впрочем, и в России. По статистике Россия эффективно привлекает больше всего иностранных студентов для обучения на специальности «здравоохранение» из стран СНГ и стран Азии, на них приходится 70% студентов³. В то же время студентов на этих специальностях из европейских стран или США практически нет. Это значит, что при выборе инструментов «мягкой силы» и оценке эффективности ее влияния следует определить, насколько адекватно выбран адресат именно для данного типа воздействия.

Путей использования «гибкой власти» достаточно много. К ним стоит отнести научно-технический потенциал государства, его информационные каналы воздействия и образование как особый вид «силы». Но в первую очередь стоит акцентировать внимание на публичной дипломатии как на способности государств формировать привлекательный «имидж» путем трансляции культурных, политических ценностей на другие страны. В то же

¹ Nye S.J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* / S.J. Nye. – NY: Public Affairs, 2004. – P. 91.

² Отношения между Россией и Индией в сфере медицинского образования [Электронный ресурс] // *Education In Russia For Foreigners*. – Режим доступа: <http://studyinrussiaportal.com/about-us/nash-blg/181-otnosheniya-mezhdu-rossiej-i-indiej-v-sfere-meditsinskogo-obrazovaniya>.

³ Арефьев А.Л. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: Статистический сборник / А.Л. Арефьев. – М.: Центр социологических исследований, 2018. – С. 174.

время государство, которое не имеет привлекательных ценностей, не может оказывать какое-либо влияние на мировое сообщество при помощи публичной дипломатии. К сожалению, специалисты сходятся во мнении, что российский опыт использования каналов публичной дипломатии недостаточно богат, и на сегодняшний день прослеживается огромное количество недостатков, как, к примеру, отсутствие системности и координации в работе, которая ведется разными ведомствами, организациями или даже отдельными лицами на этом направлении¹.

Итак, традиционно публичная дипломатия осуществляется по двум каналам: официальному (выступления официальных представителей государства в средствах массовой информации, организация брифингов министерствами иностранных дел, ведение видными политиками блогов, публикацией постов в социальных сетях) и неофициальному (деятельность средств массовой информации, университетов как акторов мировой политики, неправительственных организаций и пр.) для распространения «мягкой силы» того или иного государства. Примечательно, что негосударственные акторы не всегда выступают в качестве проводников политики какого-то государства при реализации публичной дипломатии, хотя таких случаев много. В основном они достаточно самостоятельны и формируют не только «мягкую силу» государства, к которому относятся, а также самостоятельную политику. На сегодняшний день негосударственные акторы вызывают огромное доверие у общественности, поэтому государства стараются скорее сотрудничать с ними, а не дистанцироваться.

XXI век характеризуется возросшим количеством негосударственных акторов, увеличением их активности, влияния и разнообразием сфер деятельности, в которые они вовлекаются. Это означает, что традиционные акторы международных отношений, то есть государства уже не могут

¹ Развитие публичной дипломатии в России [Электронный ресурс] // РСМД. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/news/razvitie-publichnoy-diplomatii-v-rossii>.

игнорировать присутствие «актеров вне суверенитета» на мировой арене, особенно при использовании своей «мягкой силы».

Негосударственные акторы (НПО, международные организации, корпорации, группы гражданского общества или даже отдельные лица) имеют свои рычаги «мягкого» влияния, и в зарубежных странах их деятельность часто ассоциируется с тем государством, в котором образовалась сама организация. Так, например, качественные немецкие товары, которые производят частные компании, ассоциируются с Германией как с государством¹. В последнее время сотрудничество между государствами и «новыми актерами» международных отношений приводит к тому, что сложнее разграничить государственных и негосударственных акторов. Это создает сложности как в измерении ресурсов «мягкой силы» государства, так и в управлении ими.

У концепции «мягкой силы», как у любой другой концепции, есть критики, которые воспринимают ее как всего лишь модную академическую теорию. Однако исследователи, признающие неоспоримую роль данного вида «силы» в достижении внешнеполитических целей, часто недооценивают трудности ее эффективного включения в национальную стратегию. По этому поводу Дж. МакКлори, специалист в области «мягкой силы», публичной дипломатии и социогуманитарных технологий, справедливо отмечает следующее: «Мягкая сила» может казаться наилучшим, менее рискованным вариантом, чем экономическая или военная мощь, но ее часто трудно использовать, легко потерять и дорого восстановить»². Действительно, ее действие может быть недолговечным. Резервы «мягкой силы», накопленные за десятилетия, могут исчезнуть в одночасье из-за нескольких плохих политических решений.

¹ Филатова И. «Made in Germany»: как потребители оценивают немецкие товары [Электронный ресурс] // ISED. – Режим доступа: <http://isedworld.org/2017/04/04/made-in-germany-как-потребители-оценивают-немец>.

² 2015 The Soft Power 30 Report. [Электронный ресурс] // The Soft Power 30. – Режим доступа: <https://softpower30.com/blog>.

Как отмечалось выше, «мягкая сила» основывается на убеждении. Однако важно знать, что потребуется достаточно много времени, прежде чем удастся получить результаты от ее использования. Еще один важный момент заключается в том, что инструменты «мягкой силы» не находятся полностью под контролем правительств. Культура и ценности принадлежат обществу.

Успешное применение «мягкой силы» непосредственно зависит от доверия. Когда правительства воспринимаются как манипулятивные, а информация – как пропаганда, доверие разрушается. Лучшая пропаганда – это, конечно, отсутствие пропаганды, но в современных реалиях подходит вариант с еле заметной пропагандой. Как отмечает М.М. Лебедева, отсутствие доверительных отношений неизбежно ведет если не к нейтральному, то обязательно к негативному восприятию и даже к подозрительности в адрес этого государства¹.

Использование инструментов «мягкого» влияния требует осторожности. В отдельных случаях трудно понять, как именно их можно использовать. Например, для урегулирования военных конфликтов. Но это не значит, что «мягкая сила» – это вовсе не сила. Все формы власти имеют ограничения. Когда цели внешней политики включают продвижение демократии, прав человека и свободы, «мягкая сила» оказывается эффективнее «жесткой». В эпоху, характеризующуюся увеличением объема информации и распространением власти, она становится все более важной частью эффективных внешнеполитических стратегий.

Наличие инструментов «мягкой силы» можно назвать неким потенциалом страны, и перед государством стоит задача правильно раскрыть этот потенциал и продемонстрировать его другой стороне. Главная задача в том, как именно демонстрировать, создавая привлекательность. Здесь возможен и несколько иной сценарий, когда потенциал государства сам по себе привлекателен, и отпадает потребность в действиях и усилиях со стороны

¹ Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. – 2017. – № 3(54). – С. 214.

власти. Однако в таком случае может встать вопрос о наличии у государства самой «силы», которая по определению подразумевает определённую активность.

Таким образом, основываясь на вышесказанном, можно заключить, что в современных реалиях «мягкая сила» обозначает способность государств достигать желаемых результатов посредством убеждения через ресурсы собственной привлекательности, не прибегая к рычагам давления, что делает данный вид «силы» очень значимым. Понимание «мягкой силы» трансформировалось посредством его эволюции: в век глобализации и научно-технического прогресса перечень компонентов «мягкой» мощи расширился, что предопределяет необходимость уточнения компонентов данного вида «силы» и опыта их использования современными государствами.

1.2. Формы и направления реализации концепции «мягкой силы»

Для того чтобы использовать «мягкую силу» во внешнеполитических целях, правительства должны сначала выяснить, какими ресурсами она обладает и какие из них могут быть эффективны в каждом конкретном случае. До сих пор ответ на данный вопрос часто зависел от догадок и интуиции, и у стран было мало шансов для сравнения либо ресурсов, либо возможностей, не говоря уже о производительности. То есть государства не были способны учитывать резервы, которые определяют уровень «мягкой мощи» в их распоряжении. Без полной и ясной картины этого потенциала вряд ли можно рассчитывать на развертывание «мягкой силы» стратегическим, скоординированным и, в конечном счете, эффективным образом. Именно поэтому важен национальный перечень ресурсов «гибкой власти».

Эту проблему хоть и легко определить, но гораздо труднее решить. Резервы «мягкой силы» трудно измерить, как отмечалось в параграфе 1.2., по трем причинам: она по своей сути субъективна, ее действие может быть недолговечным при принятии неправильных политических решений и,

наконец, источники «мягкой мощи» многочисленны и их трудно выявить. Категоризация и количественная оценка «мягкой силы» на национальном уровне является сложной задачей, имеющей мало методологических прецедентов, на которых можно основываться. Тем не менее, в наши задачи при исследовании данной проблемы входит обозначение своего перечня критериев, составляющих основу «мягкой силы».

Начнем с краткой истории создания основы исследований по нашей теме. Первые усилия по измерению «мягкой силы» – независимо от того, были ли они специально разработаны для данной цели или нет – были международными избирательными проектами. К этим проектам следует отнести исследования, проведенные исследовательской организацией Pew Research Center, которая занимается всемирными опросами общественного мнения по широкому кругу вопросов¹. Также список проектов пополняется опросом стран по рейтингу Всемирной службы BBC² и индексом бренда Anholt-GfK Roper Nation³.

Первая попытка измерить резервы «мягкого» влияния путем оценки конкретных ресурсов, определяющих ее, была предпринята Институтом правительства Великобритании и британским журналом Monocle с созданием индекса «мягкой силы» IfG-Monocle. Этот индекс был первым в своем роде, поскольку он определил и классифицировал различные источники «мягкой силы», которые определяют потенциальную способность страны преобразовывать резервы «гибкой мощи» во влияние во внешней политике. Он также первым объединил объективные показатели с субъективными

¹ Pew Research Center [Электронный ресурс] // Pewglobal. – Режим доступа: <https://www.pewglobal.org//search/?query=soft%20power>.

² BBC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com>.

³ Индекс национальных брендов Anholt-GfK [Электронный ресурс] // Growth From Knowledge. – Режим доступа: <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/indeks-nacionalnykh-brendov-anholt-gfk-2016>.

данными – субъективные данные были предоставлены группой экспертов, которые проводили оценку стран по различным факторам¹.

Индекс «мягкой силы» IfG-Monocle открыл новые горизонты как в качестве первой попытки количественной оценки «мягкой мощи», так и в методологии. До того как в 2010 году был опубликован первый результат опроса по данному индексу, общественное восприятие было единственным средством измерения и сравнения «мягкой силы» государств. В этом, безусловно, есть свои преимущества, однако опрос может ориентироваться только на восприятие. Он не может дать объективную оценку реальных ресурсов, ценностей и действий, которые, в конечном счете, и составляют «гибкую» власть государства.

Следует обозначить еще два индекса, на которые мы опирались в своем исследовании: помимо концепции Дж. Найя, мы рассматривали исследование международной консалтинговой компании Portland – рейтинг «мягкой силы» “The Soft Power 30” (является результатом сотрудничества Портленда, Facebook, так как цифровые платформы и социальные сети составляют все большую часть межгосударственной дипломатии)² и исследования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»³.

Все исследования по нашей теме базируются на составных частях «мягкой силы». Дж. Най ранее указывал на три основных ее источника: культуру, политические ценности и внешнюю политику⁴. Сегодня в силу развития глобализации и цифровой революции возникла необходимость расширения списка компонентов «мягкой власти».

¹ Results for Soft Power [Электронный ресурс] // Monocle. – Режим доступа: <https://monocle.com/search/soft-power>.

² Overall Ranking 2018 [Электронный ресурс] // The Soft Power 30. – Режим доступа: <https://softpower30.com>.

³ Ларионова М.В. «Мягкая сила» – ресурс внешней политики. [Электронный ресурс] // ВШЭ. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2014/07/08/1311918955/Презентация_мягкая%20сила%20итог.pdf.

⁴ Nye S.J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / S.J. Nye. – NY: Public Affairs, 2004. – P. 133.

В нашем исследовании мы выбрали ключевые составляющие «мягкой силы» и обосновали их значимость, чтобы по этим критериям проследить специфику их использования в странах, которые являются лидерами в области применения инструментов «гибкой» власти. В дальнейшем это поможет нам проанализировать, насколько эти ключевые компоненты «работают» в практической деятельности конкретного государства. В качестве точки опоры нами выбраны два наиболее авторитетных, на наш взгляд, рейтинга: глобальный рейтинг «мягкой силы» “The Soft Power 30” и рейтинг Института государственного управления Высшей школы экономики совместно с журналом *Monocle*. В соответствии с ними, ключевыми критериями оценки «мягкой силы» государства выступают государственное управление, культура, образование, экономическая модель, цифровые технологии и дипломатия. Опишем, что подразумевает под собой каждый из этих критериев.

Категория государственного управления предназначена для оценки государственных институтов, политических ценностей и основных результатов государственной политики. Успешная модель внутреннего управления является важной характеристикой общей привлекательности страны. Включая такие меры, как свобода личности, права человека, демократия и равенство и эффективность правительства, категория оценивает, насколько привлекательна модель управления страной. Когда речь заходит о международном сотрудничестве во внешней политике, привлекательным партнером является то государство, которое позиционирует себя демократическим. Так, например, мировые рейтинги по эффективности правительства, процветанию и человеческому развитию регулярно возглавляют страны Северной Европы. В 2018 году первое место в индексе “The Soft Power” в категории «государственное управление» заняла Швеция, за ней следуют Швейцария и Норвегия¹.

¹ Government Ranking 2018 [Электронный ресурс] // The Soft Power 30. – Режим доступа: https://softpower30.com/?sort_by=government.

Следующим критерием оценки «мягкой силы» является культура. Когда страна посредством культуры продвигает универсальные ценности, с которыми другие народы могут легко идентифицировать себя, она делает эти ценности естественно привлекательными для зарубежной общественности. Охват и объем культурного производства имеют большое значение для создания «мягкой силы», но массовое производство не обязательно приводит к массовому влиянию. Категория культуры включает в себя такие показатели, как ежегодное количество посещающих страну иностранных туристов, глобальный успех музыкальной индустрии, даже международное спортивное мастерство страны и т.д.

Культура является самым мощным ресурсом «мягкой силы» Америки, и, неудивительно, что США опережают другие страны по показателям развития искусства, кино, музыки, спорта и туризма. Американские культурные и творческие достижения по-прежнему имеют непревзойденный глобальный охват, чему способствует устойчивая популярность Голливуда и рост числа таких медиа-групп, как Netflix. Великобритания также уделяет большое внимание своему культурному потенциалу, чему способствует глобальный успех британской музыкальной индустрии. Согласно статистике IFPI, британские музыканты записывают самое большое количество альбомов в зарубежных странах¹. В Великобритании также находятся три из десяти самых посещаемых художественных музеев мира. Франция, которая занимает третье место в данной категории, может похвастаться самым большим количеством иностранных туристов, ресторанами с наибольшим количеством звезд Мишлен и самым посещаемым художественным музеем в мире – Лувром.

Следующей категорией, предназначенной для измерения дипломатических ресурсов страны, глобального присутствия и вклада в международное сообщество, является дипломатия. По сути, она отражает

¹ 2018 IFPI Global Music Report [Электронный ресурс] // IFPI. – Режим доступа: <https://www.ifpi.org/news/IFPI-GLOBAL-MUSIC-REPORT-2018>.

способность государств взаимодействовать с международной аудиторией, стимулировать сотрудничество и, в конечном итоге, формировать глобальные результаты. Дипломатия включает в себя такие показатели, как количество консульств и посольств, которые страна имеет за рубежом, членство в многосторонних организациях и зарубежная помощь в целях развития. С помощью дипломатических сетей измеряется приверженность страны решению основных глобальных проблем, таких, как глобальная и региональная безопасность, развитие и охрана окружающей среды, сохранение культурного наследия.

В данной категории стабильно доминирует Франция, которая имеет одну из крупнейших сетей посольств в мире, конкурируя с США и Китаем по количеству дипломатических миссий. Франция также является членом большего количества многосторонних организаций, чем любая другая страна.

В своем собственном анализе Дж. Най включает образование в «культурную» категорию «мягких» ресурсов¹, но из-за количества исследований, документирующих влияние высшего образования на «мягкую силу» и престиж государства, необходимым стало выделение образования в отдельную категорию. Способность страны привлекать иностранных студентов является мощным инструментом публичной дипломатии. Многие исследования в области образовательных обменов эмпирически подтверждают факт репутационных выгод, которые получают принимающие страны, когда иностранные студенты, получившие у них образование, возвращаются домой². Показательно, что обмены иностранными студентами оказывают позитивное косвенное «волнообразное воздействие»: вернувшись на Родину, студенты выступают от имени принимающей страны и становятся неким инструментом распространения ее культурного влияния. Таким образом можно создать лояльную одному государству студенческую

¹ Nye S.J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* / S.J. Nye. – NY: Public Affairs, 2004. – P. 43.

² *Projections of Education Statistics to 2026* [Электронный ресурс] //The Institute of Education Sciences. – Режим доступа: <https://nces.ed.gov/pubsearch/pubsinfo.asp?pubid=2018019>.

молодежь. Категория «образование» призвана охватить это явление, а также вклад стран в международные образовательные стипендии. Метрики в этой категории включают количество иностранных студентов в стране, относительное качество ее университетов и академические результаты высших учебных заведений.

Большинство лучших университетов мира находится в США. Это привлекает множество иностранных студентов в мире и вносит значительный вклад в академические исследования, проводимые в стране. В результате США продолжают лидировать в этой категории. Что касается других государств, сектор образования в Великобритании пострадал после Brexit и повлиял на международные студенческие заявки.

Еще одним критерием оценки «мягкой силы» является сложившаяся в стране модель экономики. Хотя элементы, относящиеся к экономике, могут показаться скорее «жесткими», чем «мягкими», или даже уместными в концепции «экономической силы», однако здесь мы не рассматриваем эту категорию как показатель «экономической мощи». Скорее, эта категория призвана отразить относительную привлекательность экономической модели страны с точки зрения ее конкурентоспособности, инновационного потенциала и способности стимулировать предпринимательство и торговлю. «Экономическая мощь» в большей степени связана с «жесткой силой», но экономические факторы также могут способствовать «мягкой силе». Одним из лучших примеров притяжения экономической модели была экспансия Европейского Союза на Восток в бывший социалистический блок. Конечно, экспансия имела большое отношение к политике, но привлекательная экономическая модель свободного рынка Западной Европы приводилась в качестве примера успеха «мягкой силы».

Данная категория отражает также способность страны к инновациям. Сингапур возглавляет категорию «экономической модели» третий год подряд. Это объясняется его экономической конкурентоспособностью и благоприятной деловой средой. Благодаря низким показателям коррупции и

высококвалифицированной рабочей силе в Сингапуре расположены штаб-квартиры крупных международных организаций, таких, как Британская компания Dyson Ltd.¹ и российская компания по кибербезопасности Group-IB². При этом Сингапур также демонстрирует хорошие показатели в области инноваций и обеспечивает самую высокую долю высокотехнологичного экспорта.

Таким образом, принимая во внимание более «мягкие» экономические факторы, показатели предпринимательства и конкурентоспособности включены в рассматриваемый нами индекс.

Последняя рассматриваемая нами категория – категория цифровых технологий – привносит важный новый компонент в измерение «мягкой мощи». Способы, которыми технологии изменили повседневную жизнь за последние два десятилетия, трудно переоценить. СМИ, торговля, государственное управление, коммуникации – все изменилось с развитием технологий. То же самое можно сказать и о внешней политике. Включение цифровой категории направлено на то, чтобы определить, в какой степени страны используют технологии, насколько хорошо они связаны с цифровым миром и как они используют цифровую дипломатию через платформы социальных сетей.

США демонстрируют сильные результаты в показателях цифровой дипломатии. В прошедшем году политиками и правительствами было беспрецедентно использовано социальных сетей, что напоминает нам об огромном влиянии цифровых инструментов на мировую политику. Примечательно, что Южная Корея, известная своей современной цифровой инфраструктурой, занимает пятое место в рейтинге по этой категории.

Шесть компонентов, которые описаны выше, входят в число объективных показателей оценки «мягкой силы» государств. При этом

¹ Dyson перенесет штаб-квартиру в Сингапур [Электронный ресурс] // TASS. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/6028522>.

² Российская Group-IB перевезет штаб-квартиру в Сингапур [Электронный ресурс] // Inc. – Режим доступа: <https://incrussia.ru/news/group-ib-singapur>.

наиболее значимым из них выступает категория государственного управления¹. Здесь же указаны субъективные данные, используемые для более точного измерения «мягкой» мощи, основанные на специально организованных вопросах по нескольким темам². Стоит отметить, что субъективные данные имеют огромное значение для исследования, тем не менее, они затрудняют сравнение инструментов «гибкой власти» в странах ввиду сложной динамики самих международных отношений.

В рамках ключевых базовых компонентов, определяющих «мягкую силу» государства, мы выделяем составляющие, которые играют самостоятельную роль во внешней политике государства. К таким компонентам стоит отнести, в первую очередь, уровень демократии внутри государства, так как этот фактор является решающим в выстраивании отношений с какой-либо страной и в восприятии этой страны зарубежной общественностью, пока еще сохраняется либеральный мировой порядок. Кроме того, именно от него зависит ресурсный потенциал и сама возможность полноценного использования общественной дипломатии, роль которой во внешней политике становится все более значительной.

Следующий выдвигаемый нами компонент – туристическая привлекательность. Туризм – это сегодня не только экономическая выгода для принимающей страны, но и серьезный аргумент привлекательности.

Третий самостоятельный критерий оценивания – историческое и культурное наследие. Этот компонент может иметь спорное значение, однако он важен для рассмотрения в будущем привлекательности конкретной страны – Турции, которая связывает действующие концепции пантюркизма и панисламизма со своим историческим прошлым и языком и акцентирует на своей истории внимание при выстраивании привлекательного образа сегодняшней Турецкой Республики.

¹ Приложение 2

² Приложение 3

И, наконец, четвертый компонент – это вооруженные силы страны. Сегодня возвращается «мода» на наличие у государства новейшего вооружения, так как безопасность выступает ключевым фактором «имиджа» страны – показателем степени реализации интересов и потребностей человека.

Кроме того, считаем важным выделить еще один компонент, который стал неотъемлемой частью мощи и влияния страны – СМИ. Главенствующую роль СМИ в формировании «имиджа» государства, а также общественного сознания доказывать не приходится. СМИ изначально выступали в качестве лишь средства распространения информации, однако сегодня некоторые из них имеют статус самостоятельных акторов на мировой арене. Авторитетные новостные телеканалы, такие, как CNN, BBC, RT, Al Jazeera, формируют общественное мнение и воспринимаются в качестве достоверного источника информации.

Все эти компоненты развивались в течение десятилетий, приспособившись (хотя и медленно) к изменениям в технологиях, глобальным вызовам и изменяющейся геополитике. Комплексное использование описанных компонентов позволяет представить объективную картину того, насколько сильна страна исходя из своих резервов «мягкой силы». В соответствии с этим списком критериев оценивания мы рассмотрим, насколько практика наиболее успешных в плане «мягкой силы» стран демонстрирует эффективность использования названных компонентов.

1.3. Опыт использования «мягкой силы» государствами-лидерами

Для понимания того, что в себя включает модель использования «мягкой силы» и выявления степени эффективности компонентов «мягкой силы», необходимо проанализировать опыт стран, которые занимают уверенные

позиции в рейтинге «мягкой силы»¹. В соответствии с этим рассмотрим специфику использования инструментов «гибкой» власти государствами.

Глобализация и изменение мирового порядка привели к тому, что на сегодняшний день значимую роль на мировой арене играют не только «западные» акторы, но и государства Востока и Юга. В рассматриваемый нами рейтинг в 2018 году вошли страны юго-восточной Европы, Южной Америки, а также четыре азиатских государства: Япония, Южная Корея, Сингапур и Китай².

В рейтинг, занимая 28 место, входит и Россия. После развала СССР и потери статуса сверхдержавы, интерес к «мягкой силе» привлек Россию, руководство которой стремилось восстановить прежнее мировое влияние. В результате термин «мягкая сила» был включен в Концепцию внешней политики РФ 2013 г.³, а позднее и в Концепцию внешней политики РФ 2016 г.⁴. Таким образом, руководство государства добилось положительных результатов в использовании «мягкого» инструментария в своей внешней политике, и с 2016 года страна входит в тридцатку в мировом индексе “The Soft Power 30”⁵.

В пятерку лидеров в сфере использования «мягкой силы» по данным на 2018 год входят Великобритания, Франция, Германия, Соединенные Штаты Америки и Япония. Дадим краткую характеристику привлекательности этих стран.

Великобритания занимает первое место в индексе. Британская «мягкая сила» извлекает выгоду из финансируемых государством ресурсов.

¹ Overall Ranking 2018 [Электронный ресурс] // The Soft Power 30. – Режим доступа: <https://softpower30.com>.

² Там же.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED8F7DA644257B160051BF7F.

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.

⁵ Приложение 1.

Британский Совет, в частности, способствовал распространению британского влияния и развитию «мягкой силы» посредством культурного и образовательного взаимодействия. Всемирная служба BBC, пользующаяся наибольшим доверием, завоевала широкую аудиторию в мире и остается ценным активом «мягкой силы» для Великобритании.

Стоит упомянуть еще один «козырь» Великобритании – сильное гражданское общество. Как и частный сектор в Великобритании, британское гражданское общество чрезвычайно разнообразно: оно включает целый ряд организаций от благотворительных фондов, НПО и религиозных общин до культурных учреждений и даже профсоюзов. Многие влиятельные МНПО, которые вносят вклад в развитие, обеспечивают помощь в случае стихийных бедствий и нарушении прав человека, такие, как Международная Амнистия, Oxfam или Save the Children, базируются в Великобритании и являются неотъемлемой частью британской «мягкой силы». Эффективность этих организаций не зависит от того, имеют они тесный контакт с правительством или нет.

Независимо от правительства британское искусство, кино, музыка, мода и спорт продолжают процветать на высококонкурентных мировых рынках. Британская музыка завоевала миллионы поклонников музыки в мире, благодаря глобальному успеху таких артистов, как Адель, Эд Ширан и многих других. Английская Премьер-лига также остается очень важным культурным активом, демонстрируя британскую «мягкую силу» и привлекая поклонников. Туризм в Великобритании, особенно в Лондоне, продолжает процветать благодаря богатству музеев, галерей и театров.

Важно отметить, что в 2018 году в Великобритании произошло крупное событие, которое отразилось положительно на «мягкой силе» и нарушило монотонность повествования о «Брексите»: это королевская свадьба принца Гарри с Меган Маркл. Почти два миллиарда человек по всему миру настроились посмотреть свадьбу, что является свидетельством непреходящей привлекательности королевской семьи в мире. Свадьба имеет большое

значение для британского глобального бренда, демонстрируя не только образ традиции и королевскую пышность, но и мощную историю разнообразия и интеграции.

Стоит также отметить, что, несмотря на Brexit, Великобритания остается ведущим центром технологий и инноваций, привлекая значительный объем инвестиций и доминируя в новых технологиях.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что «мягкую силу» Великобритании составляет совокупность всех базовых компонентов и трех дополнительных – СМИ, туризм и демократия.

Разница баллов в индексе между Великобританией и Францией очень мала. В 2017 году на «мягкую силу» Франции значительно повлияло на избрание энергичного реформатора, основателя независимого движения «Вперед, Республика!» президента Э. Макрона. Ему удалось объединить нацию вокруг «идей глобализма и прогресса», а также фактически вытянуть страну из состояния длительной социальной депрессии. Исследователи, следящие за событиями в данном государстве, отмечают, что рейтинг во многом определила позиция мировых СМИ, оказавших поддержку новому президенту Франции¹.

Улучшенные показатели страны в категории «государственное управление», а также такие достижения, как сокращение дефицита, улучшение экономического роста и увеличение иностранных инвестиций за год до президентства Э. Макрона, являются обнадеживающими признаками того, что ориентированный на реформы президент начнет «оживлять» экономику, что также повлечет за собой усиление показателей в категории «экономическая мощь».

Несмотря на сохраняющиеся террористические угрозы, Франция остается привлекательной для иностранных туристов благодаря количеству мишленовских ресторанов в мире и множеству музеев, галерей и объектов

¹ Эксперт: победа Франции в рейтинге «мягкой силы» – это аванс [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20170718/1498694893.html>.

всемирного наследия ЮНЕСКО, а также результатам в таких областях, как искусство, кино, еда, спорт, туризм, язык. Благодаря культурной привлекательности, а также благодаря выделяемым финансовым средствам на стипендиальные и грантовые программы, Франция притягивает множество иностранных студентов и исследователей. Многовековые усилия по распространению французского языка и культуры укрепили мощь Франции и объясняют, почему французский язык продолжает оставаться «языком дипломатии». Культурное богатство Пятой Республики остается бесценным активом «мягкой силы» страны.

При этом свои позиции в рейтинге «мягкой силы» страна укрепила за счет активной дипломатической деятельности и участия практически во всех крупнейших международных событиях. Государство не имеет себе равных в своем членстве в многосторонних и международных организациях и обладает самым большим количеством культурных миссий за рубежом.

Стоит отметить, что Франция, как и Великобритания, имеет сильные позиции по ключевым и дополнительным критериям «мягкой силы». В рассматриваемом индексе Франция два года подряд остается в двойке лидеров, что положительно характеризует ее «имидж».

Сегодня третье место в рейтинге занимает Германия, которая активно использует различные инструменты «мягкой силы» в целях укрепления своих позиций и влияния на международной арене. Страна по-прежнему пользуется большим уважением за высокое качество своего передового производственного сектора и инженерного мастерства, что заметно демонстрируется на ежегодной выставке в Ганновере, а также на дорогах, гоночных трассах и железных дорогах по всему миру. Способность Германии поддерживать сильную производственную базу с помощью технических навыков и практически ориентированной системы образования позволила добиться низкого уровня неравенства в доходах, низкого уровня безработицы

и всесторонней экономической модели, которая привлекательна для всего мира¹.

После воссоединения Германия была главной движущей силой в Европе, играя решающую роль в обеспечении стабильности Европейского Союза. Тем не менее, с 2018 года прослеживается пока еще незначительное снижение уровня привлекательности Германии. Возможно, это результат межпартийных разногласий в стране².

За пределами границ Европы весь международный либеральный порядок находится на шаткой почве. Хотя есть много комментаторов по иностранным делам, которые хотят объявить А. Меркель «Лидером свободного мира»³, она сама никогда не казалась довольной этим ярлыком или ответственностью, которую он влечет за собой. По мере того, как Европа приобретает более независимое положение, Франции и Германии необходимо работать совместно и эффективно использовать свои ресурсы «мягкой силы», если они хотят защитить интересы Европы и отстаивать ценности либерального международного порядка.

Здесь же хотелось бы сделать акцент на другом аспекте: помимо привлекательного и положительного эффекта, «мягкая сила» может повлечь за собой также негативное действие. Сегодня ярким примером данного явления выступают крупнейшие страны ЕС. Германия не прибегает к понятию «мягкой силы» в официальных документах и выступлениях политических деятелей, однако нельзя не отметить привлекательный образ государства. Этот образ, а также готовность оказать социальную помощь поставили страну в сложное положение, спровоцировав наплыв беженцев с Ближнего и Среднего

¹ Полякова В. В. «Мягкая политика» Германии: наследие и перспективы // Молодой ученый. – 2016. – №15. – С. 390.

² Блок Меркель пытается убрать внутренние разногласия с пути к коалиции в Бундестаге [Электронный ресурс] // TASS. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4627620>.

³ Rajan A. Letter from the Editor: Merkel's Global Dominance Secured by Crises in Europe [Электронный ресурс] // The Independent. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/voices/editorials/letter-from-the-editor-merkels-global-dominance-secured-by-crises-in-europe-0937.html?origin=internalSearch>.

Востока. Этот факт также ослабил позиции Германии, сместив ее третье место в индексе.

На четвертом месте в рейтинге находятся США. В 2017 году наблюдалось резкое снижение показателей США в международных опросах, что произошло, вероятно, из-за «жесткой» риторики президента Д. Трампа “America First”¹. Д. Трамп развязал торговые войны, в одностороннем порядке добился выхода США из ряда крупных международных соглашений и раскритиковал старые альянсы. При этом новый президент много раз заявлял, что его администрация переходит к «доктрине патриотизма» и отказывается от «идеологии глобализма»².

Всё это в совокупности отдалило от США их традиционных союзников. При этом нельзя пока говорить о серьезном провале «мягкого» влияния Америки: США накопили огромные ресурсы «мягкой силы» за десятилетия. Страна возглавляет категории «Образование», «Культура» и «Цифровые технологии». С наибольшим числом лучших университетов в мире США привлекают иностранных студентов со всех континентов.

С точки зрения культуры США продолжают лидировать в сфере кино, телевидения и онлайн-развлечений, и, маловероятно, что доминирование и охват американской культуры уменьшатся в ближайшее время. В США также находятся крупнейшие технологические компании мира, в том числе Amazon, Apple, Facebook, Google и Microsoft, а также многочисленные стартапы в Силиконовой долине и технические центры по всей стране. Появились также новые игроки, такие, как Netflix, которые усилили взаимосвязь между медиа и технологиями.

Несмотря на то что большинство ресурсов «мягкой силы» США находятся не под контролем правительства, политика Д. Трампа (подход с нулевой суммой к отношениям с давними союзниками, регулярное

¹ Внешняя политика США при Трампе: Америка великая или смешная? [Электронный ресурс] // Риа Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20180118/1512845200.html>.

² Там же.

подрывание либерального международного порядка и отказ вносить вклад в серьезные глобальные вызовы, такие, как изменение климата) может серьезно и негативно повлиять на авторитет государства.

Япония – единственная азиатская страна, попавшая в первую пятерку, а также в первую десятку. Японская культура и инновации известны миру благодаря японской анимации (аниме), манге, поп- и рок-музыке, кухне, электронике, автомобилям, искусству, литературе, дизайну, архитектуре и др. Знаковые персонажи, такие, как Pokémon и Hello Kitty, а также такие компании, как Toyota и Sony, свидетельствуют о распространенном влиянии Японии во всем мире. Япония демонстрирует стабильные результаты во всех ключевых категориях.

Предстоящие крупные события, такие, как встреча “G20” и чемпионат мира по регби в 2019 году, Олимпийские игры в Токио 2020 года станут для Японии основными возможностями для дальнейшего взаимодействия с мировой аудиторией. Япония уже является одним из самых популярных туристических направлений в мире с более чем 31 миллионом туристов, прибывших в страну в 2018 году¹.

Япония имеет пятую по величине дипломатическую сеть в мире, которая в дальнейшем поддерживается многочисленными культурно-пропагандистскими центрами. Также недооценивается роль Японии в качестве основного спонсора зарубежной помощи и ее положение в качестве второго крупнейшего спонсора в бюджет Организации Объединенных Наций².

У Японии были разногласия с США по поводу торговых санкций, что являлось основной причиной дипломатической и экономической обеспокоенности Токио. Однако выход США из Транстихоокеанского

¹ Tourists to Japan Hit Record 31 Million in 2018 [Электронный ресурс] // The Japan Times. – Режим доступа: https://www.japantimes.co.jp/news/2019/01/11/national/tourists-japan-hit-record-31-million-2018-helped-easier-visas-visitors-india-russia-others/?fbclid=IwAR0VOJM9ksvvCdDsx9Lm8DW6yhIdvT1bC_Jdj5Z4WW60C68F1RCsyquEahk#.XL512TAzbiU.

² Япония: история помощи в целях развития [Электронный ресурс] // Nippon. – Режим доступа: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a03402/>.

партнерства предоставил стране возможность занять лидерскую позицию в соглашении. Посредством Всеобъемлющего и прогрессивного Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПП) и Регионального всестороннего экономического партнерства (РЕСР) Япония может помочь реализовать свободный и открытый Азиатско-Тихоокеанский регион, выступая в качестве лидера свободной торговли и сторонника многостороннего сотрудничества¹.

На фоне улучшения китайско-японских отношений у Японии есть уникальная возможность играть более активную роль в формировании регионального порядка. Исторические «обиды» в отношениях Японии с Китаем и Кореей продолжают оказывать давление на «мягкую силу» «Страны восходящего солнца». Если Япония сможет извлечь выгоду из улучшения отношений с Китаем и избавиться от негативных исторических «чувств» к соседним странам, она может продолжить свой рост. Токио следует использовать свою дипломатическую сеть, чтобы подчеркнуть свой многолетний вклад в международное развитие и передать свою неизменную приверженность глобальному миру, стабильности и многостороннему сотрудничеству.

Помимо пятерки эффективно использующих резервы «мягкой силы» государств, хотелось бы остановиться также на нескольких интересных примерах. Преобразования Южной Кореи, как экономические, так и политические, за последние десятилетия были впечатляющими. Она была одним из первых последователей «мягкой силы» среди азиатских стран и, после Японии, является единственной азиатской страной, входящей в топ-20². Корея инвестировала значительные средства в свою культуру и креативную индустрию и является электростанцией потребительской электроники. К-Pop, Samsung и LG могут подтвердить прогресс страны в этих областях.

¹ Ковригин Е.Б. Япония и соглашение о Транстихоокеанском партнерстве // Пространственная экономика. – 2016. – №2. – С. 39.

² Приложение 1.

Еще одна азиатская страна, которая имеет прогресс в развитии инструментов «гибкой» власти, – Китай. Инвестиции Китая в активы «мягкой силы» хорошо документированы. Китай начал свою «мягкую» внешнеполитическую кампанию в соответствии с директивой китайского премьер-министра Ху Цзиньтао в 2007 году, и правительство с тех пор инвестировало десятки миллиардов долларов в усилия по развитию китайской «мягкой мощи». Среди основных достижений в этой области – глобальное информационное агентство Синьхуа, сотни институтов Конфуция и широкий спектр проектов для развития государства. Ярким примером также служат китайские гранты и стипендиальные программы для иностранных студентов, которые помогают использовать иностранцев как проводник культуры и языка страны. Примечательно, что страна поднялась с 30 на 27 место в рейтинге, что демонстрирует нацеленность Китая в расширении своих ресурсов «мягкой силы»¹.

Итак, рассмотрев стратегии и опыт развития «мягкой силы» крупнейших стран, можно сделать следующие выводы. Во-первых, все шесть компонентов, описанные нами во втором параграфе, имеют большое значение для государств, претендующих на первые места в индексе «мягкой силы». При этом самостоятельные составляющие этих компонентов, которые, в первую очередь СМИ и туристическая привлекательность, предоставляют странам дополнительную привлекательность. Во-вторых, следует подчеркнуть культурный компонент как один из наиболее значимых составляющих восприятия государства общественностью. При этом культура больше зависит от народа, чем от проводимой руководством политики. Тем не менее, те страны, которые активно поддерживают развитие данной категории, наиболее знакомы и привлекательны для широкой зарубежной общественности. В-третьих, фигура лидера государства тоже имеет влияние на «имидж» страны и ее восприятие. Сегодня можно проследить такую тенденцию, что

¹ Там же.

руководство государства становится олицетворением самого государства. К примеру, В.В. Путин и сильная и дипломатичная Россия, которую уважают и боятся за рубежом. И, наконец, у каждой позиционирующей себя как мировую державу с сильным «мягким» инструментарием страны есть своя так называемая «визитная карточка»: королевская семья в Великобритании, самобытность культуры Японии и пр.

Концепция «мягкой силы» как способности добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности изменилась в сторону формирования привлекательного «имиджа» не только для зарубежной общественности, но и для возможности эффективно действовать на мировой арене. Все компоненты, составляющие «мягкую силу» страны, которые мы расписали во втором параграфе, являются эффективными и необходимыми, так как соответствие «мягким» «меркам» 21 века требует полного ими обладания и комплексного использования.

Рейтинги, на которые мы опирались, занимаются изучением показателей лишь преуспевающих тридцати стран, в то время как есть много государств, предпринимающих попытки для вхождения в данный индекс. В 2015 и в 2017 годах, занимая одно из последних мест, в рейтинг входила также Турция. По сравнению с другими 29 странами, ее позиции во многих категориях достаточно слабы. Особенно они ослабли на фоне последних событий в стране: провал концепции «ноль проблем с соседями», война в Сирии, внутривосточная нестабильность и финансовый кризис. Однако нельзя не учитывать и привлекательные стороны внешней политики Турции, ее перспективы в использовании резервов «мягкой силы».

ГЛАВА II. «МЯГКАЯ СИЛА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

2.1. Основные направления и особенности использования «мягкой силы» в Турции

Анализируя место и роль «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии Турции, необходимо изучить предпосылки обращения властей Турции к «мягким» внешнеполитическим инструментам в контексте перемен во внешней и внутренней политике и проанализировать ее концептуальные основы. В данной главе мы предоставляем обзор наиболее эффективных, на наш взгляд, инструментов «гибкой» власти Турции и основных направлений их применения.

Правящая Партия справедливости и развития оптимально совмещает старые и новые рычаги влияния на международной арене. Посредством сочетания, в первую очередь, экономических и культурных, а также военных и политических ресурсов с инструментами «мягкой силы» Турция претендует на роль влиятельного регионального лидера. Тем не менее, существует ряд проблем в реализации внешнеполитической стратегии Турецкой Республики, что имеет отражение на имидже государства. Анализ проблем и вероятных путей их решения представлен во второй части данной главы.

Уверенно определить причины и условия формирования потенциала «мягкой силы» Турции сложно, так как в данном процессе решающая роль могла принадлежать как внутренним факторам (реформы Партии справедливости и развития), так и внешним факторам (крах биполярной системы международных отношений). Однако намного проще определить период начала использования инструментов «мягкой силы» турецким руководством – сразу после периода биполярности. После окончания «холодной войны» Турция акцентировала свое внимание на развитии

экономического и торгового направлений¹, так как военно-политическая и стратегическая значимость страны с «жесткой» внешнеполитической позицией снизилась для западных государств. Это в дальнейшем предоставило возможность Турции для «мягкого» внедрения в такие регионы, как Ближний Восток, Южный Кавказ, Центральная Азия и Балканы². Подобная ориентация на восточные регионы не повлекла за собой отказа Анкары от вестернизации, что и позволило Турции претендовать на роль регионального лидера и перейти к расширению сферы своего влияния еще до прихода к власти Партии справедливости и развития.

Умеренно-консервативная Партия справедливости и развития или AK Parti, основателем и лидером которой является Реджеп Тайип Эрдоган, пришла к власти в 2002 году. Годы правления данной партии характеризуются как период относительно стабильного развития Турции. Этому способствовал ряд факторов:

- не велась вооруженная борьба с Рабочей Партией Курдистана (РПК) в течение пяти лет на юго-восточной части страны, благодаря чему руководство сосредоточилось на внутренних преобразованиях;
- партия сочетала в себе «исламское прошлое» и умеренно-консервативную направленность деятельности;
- проведение реформ, направленных на стабилизацию экономики: гибкое сочетание рыночных механизмов и плановых функций государства, благодаря чему удалось реализовать стабилизационную программу и финансирование социальной политики³;

¹ Turkey and the Middle East: Ambitions and Constraints [Электронный ресурс] // International Crisis Group. – Режим доступа: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/western-europemediterranean/turkey/turkey-and-middle-east-ambitions-and-constraints>.

² Mufti M. A Little America: The Emergence of Turkish Hegemony [Электронный ресурс] // Middle East Brief. – Режим доступа: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/meb/meb51.html>.

³ Кононов В.И, Стегний П.В., Васильев А.М. Турция: новая роль в современном мире. – М: Центр ситуационного анализа РАН, 2012. – 80 с.

▪ начало проведения реформ в первой половине 2000-х годов с целью вхождения в Европейский Союз.

Успех на международной арене возможен был лишь при укреплении легитимности руководства внутри турецкого общества и политической элиты. ПСР понимала это и провела широкомасштабные реформы в культурной и социально-экономических областях, обеспечила социальную поддержку наиболее уязвимым слоям общества, при этом были приняты международные стандарты по защите прав человека и свободы слова. Также национальные меньшинства – курдское население – получили культурную автономию¹.

Были внесены изменения в том числе и в национальное законодательство: проведение модернизации правовой и пенитенциарной системы, установление прозрачности военных бюджетов, ограничение полномочий Совета национальной безопасности и Судов государственной безопасности. Целью последних выступил отход от созданной Ататюрком системы управления, при которой армия по Конституции имела все полномочия вмешиваться в политическую жизнь страны и в случае нарушения принципа светского государства на законных основаниях устроить государственный переворот². Военные и высший генералитет – гаранты кемалистских принципов – выступали главными противниками ПСР, вытеснение из политической сцены которых являлось первостепенной задачей партии. Ослабление позиций военных и усиление позиций партии обеспечило ПСР статус единственной влиятельной правящей силы в стране. Таким образом, в Турции была достигнута политическая стабильность.

За период с 2002 по 2012 год Турция вошла в список динамично развивающихся государств³. Именно описанный выше запущенный Партией

¹ Алиева А.И. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции // Вестник Московского университета. – 2014. – №3(25). – С. 63-94.

² Конституция Турецкой Республики 1982 г. [Электронный ресурс] // Библиотека конституций. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=84&page=5>.

³ Güzel H.C. Ekonomi'de 'Türk Mûcizesi' [Электронный ресурс] // Sabah. – Режим доступа: <http://www.sabah.com.tr/yazarlar/guzel/2012/11/07/ekonomide-turk-mcizesi>.

справедливости и развития процесс модернизации способствовал укреплению турецкой «гибкой» власти на мировой арене.

Необходимым фактором роста резервов «мягкой» мощи Турции в середине 2000-х годов являлась потребность в конструировании лидерами правящей партии страны обновленного внешнеполитического курса, который отличался бы глубоко проработанной концептуальной основой¹.

«Архитектором» подобной концептуальной основы, то есть современной стратегии внешней политики Турции принято считать автора книги «Стратегическая глубина», бывшего премьер-министра Турции Ахмеда Давутоглу. В своей книге А. Давутоглу изложил свое видение места и роли Турции в меняющемся мире. Одноименная доктрина отражает интерес государства к большей независимости. Автор считал, что государству необходимо сосредоточиться на окружающем его геополитическом, геокультурном и геоэкономическом пространстве, а также на ресурсах, которые Турция имеет, ведь, по его мнению, межгосударственные границы во внешней политике Турции имеют гораздо меньшее значение, чем глубокие исторические и культурные корни².

В начале 20 века произошел распад Османской империи и образовалась Турецкая Республика, закрепившая за собой статус «нации-государства». Однако после «холодной войны» актуализировался вопрос о культурной идентичности. Как утверждает А. Давутоглу, в территориальных спорах на Балканах, Кавказе и в самой Турции есть значительные «следы» исторического наследия³. Следовательно, на Турцию накладывался османским наследием груз геокультурной, а также геостратегической ответственности, что требовало от руководства повторного формирования идентичности турецкого стратегического мышления. Подразумевается, что,

¹ Кононов В.И., Стегний П.В., Васильев А.М. Турция: новая роль в современном мире. – М: Центр ситуационного анализа РАН, 2012. – С. 42.

² Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. – İstanbul: Küre Yayınları, 2001. – 453 s.

³ Там же. С. 20.

таким образом, перед Турцией возникнут новые возможности в построении более конструктивной внешнеполитической стратегии. А. Давутоглу отмечал, что акцентировать внимание необходимо не на достижении «стратегической глубины», а на использовании ее для регионального и глобального мира, что требует от Турции как от претендента на роль регионального и даже глобального актора международных отношений развития отношений со странами, с которыми ее связывает общее прошлое, география и культурные особенности. Такая роль Турции обеспечит продвижение общих интересов и создание взаимовыгодных основ для сотрудничества и диалога. Сегодня Турция с ее сильной демократией, динамично развивающейся экономикой и активной внешней политикой имеет больше возможностей извлечь выгоду из своей «стратегической глубины»¹.

Автор внешнеполитической стратегии Турции, а также турецкие политики не использовали в своей риторике термин «мягкая сила». Лишь в 2007-2008 годах в работах А. Давутоглу появляется понятие, обозначающее «мягкую» мощь, – «невидимая сила»². Данное понятие у автора было связано с дипломатическим успехом Турции.

Турецкое руководство пришло к пониманию и введению в оборот термина «мягкая сила» позднее, чем многие другие развитые страны. Это, в первую очередь, связано с тем, что процесс трансформации Турецкой Республики занял много времени и до сих пор не закончился. К тому же о «мягкой силе» появилась возможность говорить лишь после достижения государством экономического процветания, относительно стабильных позиций в регионе и усиления взаимозависимости с региональными и нерегиональными акторами. Специалист Билькентского университета в

¹ Interview by Mr. Ahmet Davutoğlu Published in AUC Cairo Review (Egypt) [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Turkey. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/interview-by-mr_-ahmet-davuto%C4%9Flu-published-in-auc-cairo-review-_egypt_-on-12-march-2012.en.mfa

² Davutoğlu, A. Turkey's Foreign Policy Vision: an Assessment of 2007 // Insight Turkey. – 2008. – № 1(10). – P. 77-96.

Анкаре Тарик Огузлу утверждал, что возникновение «мягкой силы» стало следствием процесса так называемой «десекуритизации»¹. То есть вследствие конструктивной дипломатии и при благоприятной обстановке в регионе Турции удалось уделить больше внимания невоенным аспектам своей внешнеполитической активности, что повысило авторитет Турецкой Республики для стран Запада и Ближнего Востока. Таким образом, появились предпосылки для практического применения ресурсов «мягкой силы».

Данная позиция руководства страны была актуальна только в период появления ресурсов «гибкой» власти в ее внешней политике. Однако на сегодняшний день вопрос о «десекуритизации» достаточно спорный ввиду того, что Турция активно использует военно-политические и экономические средства в реализации своей внешней политики. По статистике индекса Global Firepower (GFP) на 2018 и 2019 годы Турция занимает 9 место в «Рейтинге военной мощи стран мира»². По этой причине сегодня турецкая внешнеполитическая стратегия совмещает как «мягкий», так и «жесткий» ресурсный потенциал.

Комплексного использования всех существующих резервов страны будет недостаточно в случае, если у «силы» нет конкретной цели. В очередной раз ссылаясь на позицию «архитектора» внешнеполитической стратегии Турции, отметим, что эффективность использования «мягкой силы» будет достигнута при направленности «силы» на конкретные целевые группы³. Другими словами, для реализации ресурсов «мягкой» мощи необходима аудитория, для которой создается привлекательный образ страны.

Для определения своей целевой группы, Турция выдвинула несколько идеологических концепций.

¹ Oguzlu T. Soft Power in Turkish Foreign Policy // Australian Journal of International Affairs. – 2007. – № 1(61). – P. 81-97.

² Рейтинг военной мощи стран мира [Электронный ресурс] // No News. – Режим доступа: <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-firepower>.

³ Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. – İstanbul: Küre Yayınları, 2001. – S 143.

Во-первых, Турция принадлежит к тюркскому миру ввиду своих языковых, культурных и исторических особенностей. Одним из направлений ее внешнеполитической стратегии стало сближение тюркских государств и народов, возрождение пантюркистских настроений. На новом историческом этапе увеличилось число организаций, где Анкара стремится занять лидирующие позиции, чтобы сблизиться с политическими силами и общественными структурами тюркских республик. Например, в 2008 г. была учреждена Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТюркПА), а через год образован Совет сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет).

Во-вторых, Турция была и остается частью мусульманского мира. В 1920-х годах в соответствии с идеологией кемализма лаицизм (светскость) был объявлен одной из принципиальных отличительных черт государственности Турецкой Республики. С появлением на политической сцене ПСР в 2000-х годах начался очередной виток возвращения религии в жизнь общества. Это способствовало тому, что в сферу интересов Анкары стали входить те регионы, в которых проживает мусульманское население: Ближний и Средний Восток, Балканы, постсоветское пространство, исламские государства Африканского континента. В этот список можно добавить мусульманские народы, проживающие на территории России.

В-третьих, Турция – государство с демократическим строем. Во второй половине XX в. это позволяло ей позиционировать себя как часть западного мира. Сегодня укрепление турецкой демократии и признание обществом ее легитимности играют значительную роль в определении Турцией своего международного положения как регионального актора.

Лидерам ПСР удалось создать эффективную политическую систему ценностей, в которой гармонично сочетаются культурные особенности, исламское мировоззрение и принципы демократии. Ярче всего это проявилось на фоне событий «Арабской весны». Требовавшие демократических свобод демонстранты вскоре убедились в том, что Запад не был готов помочь с

подобной «перестройкой». Турция могла предложить им нечто среднее между западно-либеральной демократией и светским исламским государством. По результатам опроса, проведенного Турецким фондом экономических и социальных исследований в 2011 году, около 67% жителей арабских стран считали, что Турция представляет собой успешный пример гармоничного сочетания демократии и ислама¹. Примечательно, что в турецкой и зарубежной академической среде распространилось убеждение о наличии некой «турецкой модели» развития². Основание для этого служило мнение на том, что усилия Турции по демократизации и экономические успехи сделали ее образцом для возникших в арабском мире социальных и политических движений. Однако власти страны стремятся подчеркнуть, что ее единственное назначение – вдохновить другие мусульманские государства на проведение демократических реформ³. Нежелание турецких властей «экспортировать» свою модель государственности объясняется тем, что ПСР отдавала предпочтение достижению более глобальной цели – утверждению Турции в роли «актера, конструирующего мировой порядок».

И, наконец, четвертым пунктом в данном контексте выступает концепция неоосманизма, на котором мы подробнее останавливались ранее.

Все эти концепции имеют место быть в риторике турецких политиков и политологов, однако справедливо отметить, что современная внешняя политика Турции не зависит от идеологии. Она зависит полностью от национальных интересов, как и у любого другого государства. Доказательством могут служить российско-турецкие взаимоотношения, поддержание которых необходимо обеим странам из соображений обеспечения безопасности и конструктивного сотрудничества. В то же время

¹ Akgün M., Gündoğar S.S. The Perception of Turkey in the Middle East 2011. – Istanbul: Turkish Economic and Social Studies Foundation, 2012. – P. 20.

² Pope H. Turkey: Role Model for Soviet Asia? // Los Angeles Times. – Режим доступа: http://articles.latimes.com/1991-12-17/news/wr-669_1_central-asia.

³ Taşpınar Ö. Turkey: The New Model? // The Brookings Institution. – Режим доступа: <http://www.brookings.edu/research/papers/2012/04/24-turkey-new-model-taspinar>.

все концепции, описанные выше, отражены как во внешнеполитической стратегии Турции, так и в конкретных ее действиях на мировой арене.

Таким образом, можно заключить, что начало полноценного понимания и использования ресурсов «мягкой силы» в Турции было поставлено Партией справедливости и развития благодаря реформам и выведению Турции в число эффективно развивающихся государств. Турецкое руководство понимало, что необходимо использовать все ресурсы «мягкой», «жесткой» и «экономической» сил, которыми она обладает. Однако акцент необходимо делать на «мягкой силе», так как ее влияние эффективнее, как, к примеру, в работе по направлению пантюркизма, который мы считаем наиболее удачной из существующих концепций.

2.2 Инструменты реализации «мягкой силы»

Как мы уже отмечали в конце первой главы, Турция два раза попадала в индекс “Soft Power – 30” за 4 года его существования. Оба раза позиции страны были достаточно низкими, однако попадание в рейтинг ознаменовало определенную эффективность в использовании руководством страны «мягкой силы».

Турецкая «мягкая сила» отражена в ее географии, культуре и истории, но эти активы перешли на задний план в связи с недавними внутривластными проблемами. Попытка государственного переворота против президента Р. Эрдогана привела к массовым беспорядкам в Стамбуле и Анкаре, в результате которых погибли и получили ранения сотни человек. Последующее решение правительства задержать более 70 000 граждан, включая военных, судей, журналистов и преподавателей университетов, было широко осуждено на международном уровне. Политическая нестабильность Турции в сочетании с продолжающимися проблемами безопасности вокруг Исламского государства и курдских сепаратистов привела к упадку туризма и разрушению репутации страны как мирного моста между Востоком и Западом.

Несмотря на все существующие проблемы и занятость руководства внутренними политическими вопросами (муниципальные выборы по всей стране), Турция по-прежнему остается привлекательным для зарубежной общественности государством.

Для анализа резервов «мягкой силы» Турции мы прибегнем к тому же методу, каким воспользовались в первой главе, то есть рассмотрим позиции Турции по ключевым компонентам «гибкой» власти, а так же рассмотрим дополнительные компоненты в рамках внешнеполитической активности Турецкой Республики. В данном случае нам необходимо выяснить сильные и слабые стороны «мягкой силы» Турции для того, чтобы выявить проблемные зоны. Однако сначала дадим обобщенную оценку «гибкой» власти Турецкого государства.

Для оценки в целом «мягкой силы» Турции важно рассмотреть, во-первых, какие Турция формирует интеграционные поля через «мягкую силу», и, во-вторых, каковы сами инструменты воздействия.

Самый простой фактор, которым пользуются турки – это этническая принадлежность. На постсоветском пространстве возник целый ряд новых тюркоязычных государств. Эти государства стали первой «мишенью» Турции для апробации «мягкой силы». В 90-е годы для Турции стало очевидно, что скоростной интеграции этих государств быть не может, так как тюркоязычные государства только потеряли одного «старшего брата», нового «старшего брата» они приобретать совершенно не хотят. Но затем турки перешли к стратегии на долгосрочное влияние, на формирование будущих элит. Делать это начали через целый ряд механизмов. Например, на постсоветском пространстве открыто огромное количество турецких школ, которые обучают не турок, а местных жителей – не из очень богатых семей, но при этом талантливых, серьезно отобранных для обучения в этих лицеях. Затем из них выделяют целый ряд категорий. Часть из них продолжает обучение в местных вузах (им помогают поступать туда), часть отправляется на обучение в Турцию, получает бесплатные стипендии. Они либо возвращаются обратно,

либо остаются там (тогда это утечка мозгов). Если возвращаются обратно, то начинается воздействие на местные элиты. Постепенно им помогают найти работу, открыть свой бизнес – в этом, в том числе, «мягкая сила» Турции¹.

Турция выделяет большое количество грантов, стипендиальных программ не только выпускникам турецких школ, а также всем желающим получить образование. Сегодня работает большое количество программ по предоставлению краткосрочных и долгосрочных стипендий иностранным студентам и исследователям (Türkiye Bursları, Mevlana, Yunus Emre и другие). Турецкие университеты и в целом образование являются популярными среди иностранных абитуриентов. Примечательно, что в международный рейтинг QS World University Rankings 2019/2020, ежегодно составляемый британской компанией QS, включающий 1000 университетов, вошли 9 университетов Турции².

Кроме того, существует целый ряд организаций, которые эту «мягкую силу» так или иначе транслируют. Это такие организации как ТюрКСОЙ, ТИКА и ряд других. Интересно, что турки для воздействия на тюркоязычные страны задействовали нестандартные типы интеграции. Стандартные типы интеграции основаны на экономике, а турки используют образование, науку и только потом экономику. Существует большое количество турецких организаций, которые действуют в данных сферах, например, турецкие лицеи, двусторонние образовательные учреждения (например, существует Казахско-турецкий институт); создана Тюркская академия наук с центром в Анкаре. Затем это политические и экономические инструменты – существует целый ряд организаций, например, таких как Парламентская ассамблея тюркоязычных стран. Это все – инструменты «мягкой силы» государственного масштаба, а есть еще большое количество некоммерческих организаций, которые выдают гранты и постепенно подчиняют себе все, что связано с

1

² 200 лучших университетов мира – 2019 [Электронный ресурс] // Риа Новости. – Режим доступа: <https://na.ria.ru/20190618/1555290583.html>.

изучением Турции на местах. Важно отметить, что практически многие эти организации слились в одну: в 2009 году был основан так называемый Тюркский совет – интеграционная группировка, которая ввела в свой состав очень большое количество НКО. Это касается «мягкой силы» Турции в рамках формирования такой подсистемы международных отношений как «Тюркский мир».

Существуют сети влияния Турции и на тюркоязычные народы России. Мы можем посмотреть на пример Татарстана, который в последнее время проявляет активную самостоятельность, и мы увидим очень серьезное влияние Турции. А из кавказских государств первым торговым партнером Грузии является Турция. В рамках программы «Партнерство ради мира» НАТО обучение грузинских военнослужащих проводили именно турки.

Затем можно рассмотреть Ближний и Средний Восток и даже в целом Африку. В Турции ежегодно проходят съезды представителей Африки, которым выдают гранты на определенную деятельность. Турция финансирует бедные регионы, выделяя наиболее талантливых людей, приглашая их в Турцию и проводя с ними различные симпозиумы и форумы. Турция чрезвычайно активна на Ближнем и Среднем Востоке, но «Арабская весна» Турцию оставила несколько позади – она не успевала за изменениями, хотя эти изменения были для нее во многом позитивными. «Мягкая сила» Турции выражалась, в первую очередь, в позиционировании в арабских странах режима Т. Эрдогана как «новой модели». Если раньше Турция была моделью мусульманской страны светского толка, то сейчас Турция стала моделью умеренного исламского типа, которой захотели следовать многие страны в регионе.

В отношении Европы стоит вспомнить о достаточно больших турецких диаспорах, которые проживают в Болгарии, Германии и т.д. Стоит, например, вспомнить призыв Т. Эрдогана к турецким общинам в Германии не интегрироваться в немецкое общество. В Германии действует огромное количество фондов, есть попытки влиять на немецкую элиту, достаточно

успешные попытки ввести турок в немецкий парламент. Турция использует болезненные точки (кризис беженцев) для реализации своих идей воздействия.

2.3 Проблемы в использовании «мягкой силы» турецким руководством и пути решения данных проблем

При рассмотрении существующих проблем в использовании инструментов «мягкого» влияния Турции, в первую очередь мы считаем целесообразным остановиться на ключевых внешнеполитических проблемах, которые способны препятствовать созданию привлекательного имиджа Турции. Эти проблемы уже обозначены нами в предыдущих параграфах более подробно, поэтому кратко выделим их здесь.

Общий «имидж» Турции за последние 3 года пострадал, в первую очередь, от беспорядков в стране, связанных с попыткой государственного переворота и последовавшими за этим действиями со стороны руководства. В особенности 2016 год ознаменовался резким снижением числа иностранных туристов в Турции¹.

Вторая серьезная проблема в политике Турции – курдская. Очевидно, что правительство делало определенные шаги для налаживания курдско-турецких взаимоотношений, как, например, во время сирийского кризиса, однако мирный процесс замер после уличных боёв в курдских городах. В связи с боевыми действиями возникли преграды и на пути возможного курдско-турецкого сближения в Сирии, которое весьма способствовало бы победе в войне против ДАИШ. До тех пор, пока турецкое руководство не выстроит конкретную политику для устранения данной проблемы, то есть основную внутривосточную проблему, Турция вряд ли сможет уверенно претендовать на роль регионального «конфликтолога».

1

Еще один принцип во внешнеполитической активности Турции, который необходимо затронуть в силу его присутствия в постоянной риторике руководства страны, является принцип «ноль проблем с соседями», при провозглашении которого турецкое руководство было абсолютно уверено, что государству достаточны существующие исторические и культурные корни, чтобы Турция имела статус региональной державы. Данная концептуальная позиция имела привлекательную теоретическую базу, однако на практике прекратилась в агрессивную политику.

Прочная основа для деятельности Турции в качестве посредника между конфликтующими сторонами, а также миротворца и защитника демократии создавалась посредством как хороших отношений с арабскими странами и Израилем, так и растущего объема двусторонней торговли с соседними государствами. Однако руководство страны допустило ряд серьезных политических ошибок. Во-первых, Турция одержима идеей стать региональным лидером и возродить османское наследие на Ближнем Востоке. Однако руководство государства не уделило должного внимания тому, что действительность постоянно меняется, как и действия акторов на мировой арене. И во-вторых нужно отметить, что Турция оказалась не готовой участвовать в политической жизни стран Ближнего Востока. По этим причинам Турция упустила возможность стать той силой, которая урегулировала бы конфликты в регионе. Она оказывала поддержку разным сторонам, что противоречило ее главной цели – становлению источников стабильности и мира путем проведения политики, характеризующейся осторожностью, нейтральностью и миролюбием. Примером может служить политика Турции в период, когда вспыхнул мятеж в Ливии. Осмотрительность и осторожность турецкого руководства ввиду неясности обстановки в самом начале являлись верной линией поведения, однако ее бездействия после вмешательства в конфликт европейских держав привело к утрате позиций в регионе и влияния на последующее развитие Ливии. Другим примером служит необдуманное поведение Турции в сирийском конфликте. Анкара стремилась

стать одной из стран, определяющих будущее Сирии, путем выступления одной из первых за свержения Б.Асада. Турецкое руководство не адаптировалось к изменениям, особенно с включением в конфликт террористической группировки ДАИШ, идеология которой представляет опасность для всех сторон конфликта. В данном случае руководству Турции следовало искать общий язык со всеми сторонами конфликта, что сделало бы ее действительно посредником. Здесь же необходимо отметить тот факт, что на политике Анкары отразилось наличие непростых отношений с курдским населением страны. Обеспокоенность Турции особым статусом курдов в Сирии и Ираке сказалась на восприятии страной этих курдов как основной угрозы национальной безопасности Турции.

В решении данных проблем руководству Турции следует понять, что не обязательно быть региональной державой, чтобы играть роль крупного регионального игрока. Вернуть себе статус влиятельного актора возможно лишь в случае пересмотра Турцией своей политики в регионе, которая не способствует стабилизации ситуации, а в будущем может дестабилизировать внутреннюю ситуацию в самой Турецкой Республике. Сложности в отношениях с курдами – это основная турецкая проблема. Курдско-турецкое сближение могло бы способствовать решению ряда проблем на Ближнем Востоке, в том числе положительно повлиять на «грандиозные» планы Анкары.

Из ключевых компонентов «мягкой силы», которыми обладает Турция, значительные «слабые места» имеют несколько из них.

В первую очередь, наличие проблем можно отметить в категории государственного управления, так как сегодня наблюдается своего рода кризис Партии справедливости и развития. По итогу прошедших муниципальных выборов всех городов Турции в крупных из них, таких как Стамбул, Анкара, Измир, большее количество голосов получила оппозиционная партия. Сложившаяся ситуация не повлияет на властные

полномочия Т. Эрдогана, который с 2018 года избран уже Президентом Турецкой Республики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, концепция «мягкой силы» Дж. Ная нашла применение и в политике современной Турции. Осознание турецкими властями важности и перспективности включения этого инструмента во внешнеполитическую стратегию произошло не сразу, поскольку в первое десятилетие постбиполярного периода перед ними стояли серьезные военные, социально-экономические и политические проблемы. Приход к власти политического игрока нового толка, Партии справедливости и развития, был ознаменован началом глубинных трансформационных процессов. Уделив особое внимание вопросам безопасности государства и его стабильного развития, лидеры партии не обошли стороной и проблему переосмысления положения и восприятия Турции на международной арене. За годы правления ПСР произошло оформление уникальной, характерной именно для турецкого государства внешнеполитической идеологии и линии поведения. Власти, поставив цель превратить страну в регионального, а потом – и в глобального лидера, опирались на ее особое географическое положение и культурно-историческое наследие. Последовавшее за реформами «восхождение» Турции объяснялось тем, что, обеспечив себя материальной базой, страна получила возможность реализации своего интеллектуального, дипломатического и ресурсного потенциала.

Добиваясь складывания нужного ей восприятия в общественном сознании других государств, ПСР включила во внешнеполитическую стратегию старые, оформившиеся еще до ее правления инструменты «мягкой силы» и совместила их с теми, которые нашли применение уже в новом тысячелетии. Прибегая к «мягким» внешнеполитическим методам и сочетая их с военно-политическим и экономическим инструментарием, Турция сумела превратиться в авторитетного международного игрока.

Проведенный анализ показывает, что политика «мягкой силы» за последние два десятилетия приобрела ключевое значение для реализации

приоритетов внешней политики Турции. Изначально политика «мягкой силы» Турции формировалась на основании исторической, культурной и языковой общности стран евразийского региона, однако Турция не ограничилась лишь данными направлениями, она стала активно развивать деловые связи, проводить политику по содействию развитию стран, входящих в сферу ее геополитического влияния. За последнее десятилетие Турцией был выработан комплекс форм реализации «мягкой силы», доказавших свою эффективность. В сфере продвижения культуры и языка подобными формами стали создание школ, в которых изучаются турецкий язык, турецкая история и культура, и кафедр преподавания турецкого языка в крупнейших университетах стран-объектов, а также финансирование восстановления исторических памятников, относящихся к турецкой истории, в странах-объектах. В сфере сотрудничества в области образования, науки и инноваций Турция поддерживает заключение соглашений о сотрудничестве между университетами, а также совместные исследовательские проекты в рамках реализации программ научно-технического сотрудничества со странами – объектами «мягкой силы». Главным инструментом развития деловых связей стали двусторонние и многосторонние бизнес-советы, упрощающие деятельность турецких предпринимателей в странах-объектах.

Богатый опыт плодотворной работы в сфере содействия международному развитию был накоплен Турцией за счет органично функционирующей системы содействия международному развитию, базирующейся на ключевом институте – ТИКА, создании широкой сети локальных офисов ТИКА в приоритетных странах, оценке приоритетных сфер для стран-объектов и реализации проектов именно в этих сферах. Демократические реформы, проведенные в Турции в 2000-е годы, стимулировали активность турецких бизнес-организаций и НПО, что способствовало наращиванию потенциала общественной дипломатии страны.

Таким образом, новая, постоянно трансформирующаяся политика «мягкой силы» Турции доказала свою эффективность, и при условии

урегулирования нерешенных вопросов влияние Турции как в евразийском регионе, так и на мировой арене будет возрастать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература на русском языке

1. Аватков В.А., Бадранов А.Ш. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. – 2013. – № 2 (27). – С. 5–11.
2. Аватков В.А., Чулковская Е.Е. Центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре – «мягкая сила» Турции // Геополитика и безопасность. – 2013. – № 2 (22). – С. 116–123.
3. Азербайджанский политолог об отношениях Азербайджана с Турцией и Казахстаном [Электронный ресурс] // Общественно-политическая газета Азербайджана ЭХО. – Режим доступа: <http://ru.echo.az/?p=59052>.
4. Ардаев В. Турецкая сухопутная операция в Сирии: с кем и за что воюет Анкара [Электронный ресурс] // Риа Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/analytics/20160824/1475143786.html>.
5. Арефьев А.Л. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: Статистический сборник. Выпуск 15 / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований, 2018. – 184 стр.
6. Асалыоглу А. Ближний Восток в тупике радикализма // Международная жизнь. – 2016. – № 4. – С.108-118.
7. Ахмадуллин В.В. Анализ интерпретации термина «ближний восток» западными авторами // Власть. – 2014. – № 4. – С. 126-130.
8. Ахмадуллин В.В. Анализ интерпретации термина «ближний восток» советскими и российскими авторами // Право и образование. – 2014. – № 4. – С. 154-160.
9. Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // Вестник ТГУПБП. – 2017. – №1. – С. 131-147.

10. Бостанов М.Э. Глобализационные тенденции внешней политики Турецкой Республики в регионе Леванта: дисс. ... канд. полит. наук. – Пятигорск, 2014. – 161 с.
11. Бостанов М.Э. Интегрированность в глобальную систему как экстернальный фактор турецкой внешней политики // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 8. – С. 275-277.
12. Бостанов М.Э. Современная внешняя политика Турции в условиях глобализации // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5. – С. 139-131.
13. Бурашникова А.Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета. Новые серии. Серия «История. Международные отношения». – 2013. – № 2. – С. 65-69.
14. Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика / О.Н. Быков. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 255 с.
15. Вартаньян Э.Г. Опыт развития экономики Турецкой Республики в новейшее время: трансформация этатизма в либеральную модель // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 179-181.
16. Внешняя политика новой Турции – цель 2019 [Электронный ресурс] // Сегодня. – Режим доступа: <http://www.segodnya.ua/opinion/korsunskicolumn/vneshnyaya-politika-novoy-turcii-cel-2019-1016057.html>.
17. Впервые за 6 лет: в Израиле приступил к работе посол Турции [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. – Режим доступа: <http://vestikavkaza.ru/news/Vpervye-za-6-let-v-Izraile-pristupil-k-rabote-posol-Turtsii.html>.
18. Данилов В.И. Турция в 20-30—х годов: путь к демократии // Восток. – 1997. – № 2. – С. 63-75.
19. Данилов В.И. Турция после Второй мировой войны: демократический эксперимент продолжается // Восток. – 1998. – № 4. – С. 52-67.

20. Демоян Г. Турция и карабахский конфликт в конце XX– начале XXI веков. Историко-сравнительный анализ / Г. Демоян. – Ереван: Авторское издание, 2006. – 255 с.
21. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика / И.П. Добаев. – Ростов-на-Дону: СНК ВШ, 2003. – 416 с.
22. Драганов А.А. Иран и Ближний Восток в парадигме современных геополитических процессов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2010. – № 1. – С. 133-138.
23. Дружиловский С.Б. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. – 2005. – № 6. – С. 48-61.
24. Дугин А. Евразийская стратегия Турции. [Электронный ресурс] // Евразия. – Режим доступа: <http://evrazia.org/article/2300>.
25. Запорожец В.М. Турция: общество и армия / В.М. Запорожец, А.А. Колесников. – Л., ЛГУ, 1983. – 340 с.
26. Зачем США вооружают сирийских курдов? [Электронный ресурс] // BBC. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/russian/features-39876270>.
27. Из визитов в Индию, Китай, Россию возникнет евразийская ориентация? [Электронный ресурс] // Иносми. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20170510/239316702.html>.
28. Израиль и Турция начинают диалог о газопроводе между странами [Электронный ресурс] // Риа Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20161013/1479174314.html>.
29. Илюхин Л. Турецкий гамбит, или Возможно ли сегодня реанимирование идей объединения тюркских народов Центральной Азии? [Электронный ресурс] // Аналитика. – Режим доступа: <http://www.analitika.org/article.php?story=20071215074154170>.
30. Карякин В.В. Современная геополитическая динамика Ближнего и Среднего Востока. – М.: Граница, 2010. – 362 с.

31. Князева М. Еврокомиссия выделит 600 млн. евро помощи сирийским беженцам в Турции [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: www.ria.ru/syria/20160928/1478046954.html.
32. Койбаев Б.Г. Международные организации: информация и безопасность на Ближнем Востоке / Б.Г. Койбаев. – СПб.: 2006. – 238 с.
33. Конституция Турецкой Республики [Электронный ресурс] // Конституции государств мира. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=84&page=5>.
34. Корниенко Т.А. Европеизация как нормативно-политический контекст турецкой модернизации // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5. – С. 140-145.
35. Крылов А. Ближний Восток: состояние и перспективы развития региональной ситуации // Россия и мусульманский мир. – 2016. – № 10 (292). – С. 98-145.
36. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. – 2017. – № 3(54). – С. 212-223.
37. Лебедева М.М. Центральная Азия. Социально-гуманитарное измерение / М.М. Лебедева, К.П. Боришполец, Н.А. Иванова, М.А. Чепурина. М.: Аспект Пресс, 2016. — 224 с.
38. Мазур О.А. Ближний Восток: на острие противоречий // Век глобализации. – 2015. – № 1. – С. 106-113.
39. Миллер А.Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории / А. Ф. Миллер. – М.: Наука, 2013. – 277 с.
40. Мосаки Н.З. Образовательная экспансия Турции в Африке // Вопросы образования. 2013. № 2. С. 49–66.
41. На благоприятном экономическом фоне в политической сфере Анкару и Тегеран ждут проблемы [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. – Режим доступа: <http://vestikavkaza.ru/articles/Na-blagopriyatnom-ekonomicheskom-fone-v-politicheskoy-sfere-Ankaru-i-Tegeran-zhdut-problemy.html>.

42. Надеин-Раневский В.А. Восточный вектор политики Турции В.А. Надеин-Раневский. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 511 с.
43. Нигяр Масумова об экономической ситуации в Турции [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. – Режим доступа: <http://vestikavkaza.ru/video/Nigyar-Masumova-ob-ekonomicheskoy-situatsii-v-Turtsii.html>.
44. Парастатов, С.В. Геостратегия Российской Федерации на Балканах: состояние и тенденции развития (на примере российско-греческих отношений): дис. ... канд. полит. наук. – Пятигорск, 2012. – 160 с.
45. Пересыпкин, О.Г. Ближний Восток и курдская проблема // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2014. – № 2 (2). – С. 55-61.
46. Попытка военного переворота в Турции. Хроника событий [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160715/1467044001.html>.
47. Поцхверия Б.М. Внешняя политика Турции после Второй мировой войны / Б. М. Поцхверия. – М.: Наука, 2009. – 312 с.
48. Примаков Е.М. Ближний восток на сцене и за кулисами / Е.М. Примаков. – М.: ИИК «Российская газета», 2012. – 448 с.
49. Простаков Г. Мусульманское масонство: учение Фетхуллага Гюлена способно разрушить мир или собрать его заново [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/authors/20161213/1483045110.html>.
50. Розалиев Ю.Н. Мустафа Кемаль Ататюрк. Очерк жизни и деятельности / Ю.Н. Розалиев. – М.: Восточная литература, 1995. – С. 56.
51. Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций. – 2014. – № 2(9). – С. 145–167.
52. Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе / А. Сваранц. – М.: Гуманитарий, 2012. – 600 с.
53. Свистунова И.А. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия // Проблемы национальной стратегии. – 2012. – № 4. – С. 39-55.

54. Свистунова И.А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 2. – С. 53-61.
55. Свистунова И.А. Внешняя политика Турецкой Республики в 2010 году [Электронный ресурс] // Kurdistan.ru – Режим доступа: http://kurdistan.ru/2010/01/25/articles3198_Vneshnyaya_politika.html.
56. Свистунова И.А. Иракский фактор во внешней политике Турецкой Республики (1990-2006гг) / И.А. Свистунова. – М: ИБВ, 2008. – 132 с.
57. Свистунова И.А. Российско-турецкие отношения в оценках турецких экспертов [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=16253>.
58. Свистунова И.А. Турция на пороге перемен [Электронный ресурс] // РИСИ. – Режим доступа: <https://riss.ru/analitycs/38396/>.
59. Сергеев В.М. Ближний Восток в поисках нового центра // Полис. – 2012. – № 2. – С. 47-61.
60. Сотниченко А.А. Референдум в Турции за изменение Конституции [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Русская народная линия». – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2010/09/13/referendum_v_turcii_za_izmenenie_konstitucii.
61. Сотниченко А.А. Особенности модернизации в Турции / А.А. Сотниченко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. – С. 184-224.
62. Сотниченко А.А. Турция: геополитическая ось Евразии / А.А. Сотниченко. – М.: МГУ, 2011. – С. 4-13.
63. Стартовали учения Турции и Азербайджана [Электронный ресурс] // Военное обозрение. – Режим доступа: <https://topwar.ru/114686-startovali-ucheniya-turcii-i-azerbaydzhana.html>.
64. Стегний П. Ноль соседей без проблем [Электронный ресурс] // РСМД. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/nol-sosedey-bez-problem/>

65. Тарасов С. Эрдоган и военные: тайна организации // Информ. агентство «Regnum» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/1483916.html>.
66. Ткаченко А.А. Большой Ближний Восток: судьба реформ // Ближний Восток и Северная Африка. – 2016. – №1. – С. 47-69.
67. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 4. – С. 85–93.
68. Турция будет сотрудничать с Ираном, даже если ООН введёт санкции [Электронный ресурс] // Iran News. – Режим доступа: http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=48346.
69. Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий / Отв. ред. Н.Ю. Ульченко, Е.И. Уразова. – М.: ИБВ ИВ РАН, 2010. – 315 с.
70. Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г. / Отв. ред. А.В. Болдырев, Н.Ю. Ульченко. – М.: ИБВ ИВ РАН, 2008. – 157 с.
71. Турция пожертвовала Палестиной ради примирения с Израилем [Электронный ресурс] // РИСИ. – Режим доступа: <https://riss.ru/smi/32084/>.
72. Утургаури С.Н. Тургут Озал – премьер и президент Турции / С.Н. Утургаури, Н.Ю. Ульченко. – М., 2009. – 108 с.
73. Фарес В. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке / В. Фарес. – М.: Эксмо, 2012. – 480 с.
74. Хайрутдинов А. Турция отказалась от курса Ататюрка [Электронный ресурс] // Islam Today. – Режим доступа: http://islam-today.ru/blogi/ajdar_hajrutdinov/turcia-otkazalas-ot-kursa-aturka/.
75. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 560 с.
76. Хелд М. Глобальные трансформации: Политик, экономика, культура. / М. Хелд. – М.: Праксис, 2004. – 576 с.
77. Чикаидзе Ц.М. Ближний Восток: политические реалии (1945-1955) // Сборники конференций НИЦ социосфера. – 2014. – № 15. – С. 34-39.

78. Элдем З. Развитие внешней политики Турции в XX – начале XXI вв. // Беларусь – Турция: пути сотрудничества: мат-лы конф. – Минск, Четыре четверти, 2010. – С. 55-61.
79. Эрдоган: «Турция – единственный настоящий друг Ближнего Востока» [Электронный ресурс] // TRT. – Режим доступа: <http://www.trt.net.tr/russian/turtsiia/2016/06/23/erdoghan-turtsiia-iedinstviennyi-nastoiashchii-drugh-blizhniegho-vostoka-516789>.

Литература на иностранных языках

80. "Schengen" olmazsa "Şamgen" verelim! [Электронный ресурс] // CNN Türk. – Режим доступа: <http://www.cnnturk.com/2011/dunya/03/07/schengen.olmazsa.samgen.verelim/609131.0/index.html>.
81. AB'ye: Dilenmeyiz, Hürriyet [Электронный ресурс] // Hurriyet. – Режим доступа: www.hurriyet.com.tr/ab-yedilenmeyiz-28042852.
82. Agreement between The Republic of Turkey and The State of Israel [Электронный ресурс] // Mof.gov. – Режим доступа: <http://www.mof.gov.il/chiefecon/internationalconnections/doclib1/turkey.pdf>.
83. AK Parti Programı [Электронный ресурс] // Adalet ve Kalkınma Partisi. – Режим доступа: http://www.akparti.org.tr/site/akparti/parti-programi#bolum_.
84. Akgün M. Ortadoğu'da Türkiye Algısı // TESEV Yayınları. – 2012. – №2. – S. 17-35.
85. Aliyev F. The Gülen movement in Azerbaijan // Current Trends in Islamist Ideology. – 2013. – №14. – P. 90–103.
86. Altınay H. Turkey's Soft Power: an unpolished gem or an elusive mirage? // Insight Turkey. – 2008. №2. – P. 55–66.
87. Altunışık M.B. The possibilities and limits of Turkey's Soft Power in the Middle East // Insight Turkey. – 2008. № 2. – P. 41–54.

88. Aydın M. Turkish Foreign Policy at the End of the Cold War; Roots and Dynamics // M. Aydın. Turkish Yearbook of International Relations. – 2012. - Vol. XXXVI. – P. 1–36.
89. Badretdin S. Pan-turkism : past, present and future // Turkoman. – Режим доступа: <http://tatar.yuldash.com/079.html>.
90. Bal I. The Turkish model and the Turkic Republics // Perceptions, Journal of International Affairs. – 1998. – № 3. – P. 1–17.
91. Bank A., Karadag R. «The Ankara Moment»: The Politics of Turkey’s Regional Power in the Middle East, 2007-2011 // Third World Quarterly. – 2017. – № 2. – P. 287-304.
92. Başbakan Davutoğlu İran'da konuştu [Электронный ресурс] // Haberturk. – Режим доступа: <http://www.haberturk.com/dunya/haber/1205152-basbakan-davutoglu-iranda-konusuyor>.
93. Beng P.K. Turkey’s Potential as a Soft Power: A Call for Conceptual Clarity // Insight Turkey. – 2008. №2. – P. 21–40.
94. Beşar Esad bugün Ankara’da [Электронный ресурс] // Hürriyet. – Режим доступа: <http://hurarsiv.hurriyet.com.tr/goster/ShowNew.aspx?id=194058>.
95. Bilgin P., Eliş B. Hard Power, Soft Power: toward a more realistic power analysis // Insight Turkey. – 2008. – № 2. – P. 5–20.
96. Birand M. A. Türkiye, her yerde arabulucu olamaz. [Электронный ресурс] // Milliyet.com.tr. – Режим доступа: <http://www.milliyet.com.tr/Yazar.aspx?aType=YazarDetay&ArticleID=1185194&AuthorID=86&Date=13.01.2010&b=Turkiye,%20her yerde%20arabulucu%20olamaz...&a=Mehmet%20Ali%20Birand>.
97. BM Güvenlik Konseyinde İran’a İlave Yaptırımlar Konusunda Yapılan Oylama Hakkında [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/no_-125_-9-haziran-2010_-bm-guvenlik-konseyinde-iran_a-ilave-yaptirimlar-konusunda-yapilan-oylamay-hk_.tr.mfa.

98. Bradford C.I., Linn J.F. The G-20 summit — its significance for the World and for Turkey // *International Economic Issues*. – 2009. – №1. – P. 56–68.
99. Davutoğlu A. *Alternative Paradigms: The impact of Islamic and Western Weltanschauungs of Political Theory*. – Lanham: University Press of America, 1994. – 264 p.
100. Davutoğlu A. *Civilizational Transformation and the Muslim World*. – Kuala Lumpur: Mahir Publications, 1994. – 136 p.
101. Davutoğlu A. *Küresel Bunalım: 11 Eylül Konuşmaları*. – İstanbul: Küre Yayınları, 2002. – 228 s.
102. Davutoğlu A. *Principles of Turkish Foreign Policy and Regional Political Structuring // Turkey Policy Brief Series*. – 2012. – № 3. – P. 1-9.
103. Davutoğlu A. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. – İstanbul: Küre Yayınları, 2001. – 453 s.
104. Davutoğlu A. *Turkey's foreign policy vision: an assessment of 2007 // Insight Turkey*. – 2008. №1(10). – P. 77–96.
105. Davutoğlu A. *Turkey's Zero-Problems Foreign Policy [Электронный ресурс] // Foreign Policy*. – Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_foreign_policy?page=full.
106. Demiröz M. *Kanallı İstanbul yükselen Türkiye'nin resmidir // Yeni Şafak*. – Режим доступа: <http://yenisafak.com.tr/yazdir/?t=02.05.2011&c=16&i=317041>.
107. Erdoğan: *Komşularla Sıfır Sorun Zulme Boyun Eğmek Değildir [Электронный ресурс] // SonDakika.com*. – Режим доступа: <http://www.sondakika.com/haber-erdogan-komsularla-sifir-sorun-zulme-boyun-egmek-3595807/>.
108. *Exports by Country Group and Year [Электронный ресурс] // Turkish Statistical Institute*. – Режим доступа: <http://www.turkstat.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist>.
109. *Foreign Policy of The Turkish Republic [Электронный ресурс] // CIDOB*. – Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=>

110. Grigoriadis I.N. The Unripe Fruits of Rapprochement: Greek-Turkish Relations in the Post-Helsinki Era // *International Journal*. – 2012. – № 1. – P. 119-133.
111. Güneş E. Tensions High as Funerals Held in Hatay [Электронный ресурс] // *Hürriyet Daily News*. – Режим доступа: <http://www.hurriyetdailynews.com/tensions-high-as-funerals-held-in-hatay.aspx?pageID=238&nID=46701&NewsCatID=341>.
112. Imports by Country Group and Year [Электронный ресурс] // *Turkish Statistical Institute*. – Режим доступа: <http://www.turkstat.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist>.
113. Jonathan McClory *The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power*. – 2015. London: Portland Pr. – 54.
114. Kalın İ. Soft Power and public diplomacy in Turkey // *Perceptions*. – 2011. – №3(7). – P. 5–23.
115. Keyman E.F., Sazak O. Turkish foreign policy in the transatlantic context: from soft power to smart power // *Strategic Research Center*. – 2012. – №4. – P. 1–17.
116. Kohen S. Türk modeli Araplar için iyi mi, kötü mü? [Электронный ресурс] // *Milliyet.com.tr*. – Режим доступа: <http://dunya.milliyet.com.tr/-turk-modeli-ara-plar-icin-iyi-mi-kotu-mu-dunya/dunyayazardetay/14.01.2012/1488690/default.htm>.
117. Komşularla Sıfır Sorun Politikamız [Электронный ресурс] // *Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı*. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.tr/komsularla-sifir-sorun-politikamiz.tr.mfa>.
118. Kurkjuoglu O. *Turkiyenin Arap Orta Dogusuna karşı Politikasi (1945-1970)*. – Ankara: Ankara Universitesi SBF Yayini, 2012.– 210 p.
119. Kurtulmuş N. *The Armenians. An Issue of a Century* / N. Kurtulmuş. – Ankara: T.C. Başbakanlık. Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı, 2015. – 320 s.

120. Laiklik ateizm değil, korkmayın! [Электронный ресурс] // Haber Turk. – Режим доступа: <http://www.haberturk.com/dunya/haber/669311-laiklik-ateizm-degil-korkmayin>.
121. Larraby S. Turkish foreign policy in an Age of Uncertainty / S. Larraby, I. Lesser. – Santa-Monica (Ca): RAND, 2013. – 239 p.
122. Managing the Refugee Crisis: The EU Facility for Refugees in Turkey [Электронный ресурс] // European Commission. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/neighbourhoodenlargement/sites/near/files/frit_factsheet.pdf.
123. Oğuzlu T. Soft power in Turkish foreign policy // Australian Journal of International Affairs. – 2007. №1(64). – P. 81–97.
124. Oğuzlu T. The Gezi park protests and its impacts on Turkey's soft power abroad // Ortadoğu Analiz. – 2013. №55(5). – P. 10–15.
125. Öner S. Soft Power in Turkish foreign policy: new instruments and challenges // Euxeinos. – 2013. – №10. – P. 7–15.
126. Öniş Z. Multiple faces of the 'new' Turkish foreign policy: underlying dynamics and a critique // Insight Turkey. – 2011. – № 1(13).– P. 47–65.
127. Orta Doğu ve Kuzey Afrika ülkeleri ile ilişkiler [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – Режим доступа:http://www.mfa.gov.tr/turkiye_nin-ortadogu-ile-iliskileri.tr.mfa.
128. Panin V., Paniev H. Turkey and Russia. // Turkish Foreign Policy in the Post Cold War Era / Ed. by I. Bal. – Boca Raton: Brown Walker Press, 2004. – P. 253–267.
129. Recent economic development. Turkey [Электронный ресурс] // World Bank/ – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/en/country/turkey/overview#3>.
130. Salmoni B.A. Strategic partners or estranged allies: Turkey, the United States and operation Iraqi Freedom // Strategic Insights. – Режим доступа: <http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/11310/middleEast>.
131. Selçuk O. Turkish Airlines: Turkey's soft power tool in the Middle East // The Academic Journal of the Middle East. – 2013. – №о. 14. – P. 175–199.

132. Seven E. Sarkozy gittiği her yerde bizi görecek [Электронный ресурс] // Yeni Şafak. – Режим доступа: <http://yenisafak.com.tr/Gundem/?t=25.11.2009&c=1&i=225129>.
133. Taspinar O. Turkey's Middle East Policies Between New-Ottomanism and Kemalism. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2008. – 236 p.
134. The National Security Strategy [Электронный ресурс] // The White House. – Режим доступа: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/>.
135. Traynor I. European leaders offer Turkey 'action plan' on migration crisis [Электронный ресурс] // The Guardian – <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/15/bigdecisions-unlikely-migration-summit-eu-leaders>.
136. Türk diplomatların yüzde 25'i ihraç edildi, Yeni Asya Gazetesi [Электронный ресурс] // Yeni Asya. – Режим доступа: http://www.yeniasya.com.tr/politika/turk-diplomatlarin-yuzde-25-i-ihracedildi_446712.
137. Türk-Arap İşbirliği Forumu'ndan acil tedbir çağrısıhttp [Электронный ресурс] // BBC Türkçe. – Режим доступа: http://www.bbc.com/turkce/haberler/2011/11/111116_rabat.shtml.
138. Turkey and the Middle East: ambitions and constraints // International Crisis Group. Europe Report. – 2018. – №203. – P. 201-210.
139. Türkiye Cumhuriyeti ile Irak Cumhuriyeti Hükümetleri Arasında Yüksek Düzeyli İşbirliği Konseyi'nin kurulmasına ilişkin Ortak Siyasi Bildirge [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.tr/data/DISPOLITIKA/Bolgeler/ortadogu/irak/Ortak%20Siyasi%20Bildirge.pdf>.
140. Türkiye, Suriye, Ürdün ve Lübnan Arasında Yüksek Düzeyli İşbirliği Konseyi Tesis Edilmesi Hakkında Ortak Siyasi Bildirge [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – Режим доступа:

http://www.mfa.gov.tr/turkiye_-suriye_-urdun-ve-lubnan-arasinda-yuk-sek-duzeyli-isbirligi-konseyi-tesis-edilmesi-hakkinda-ortak-siyasi-bildirge.tr.mfa.

141. Türkiye-Irak Ekonomik İlişkileri [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-irak-ekonomik-iliskileri-ve-turkiye_nin-yeniden-imar-surecine-katkisi.tr.mfa.

[web&cd=2&sqi=2&ved=0ahUKEwinod7uypXUAhWnK5oKHftuCHcQFggrMAE&url=https%3A%2F%2Fwww.cidob.org%2Fen%2Fcontent%2Fdownload%2F30263%2F359446%2Ffile%2F237-](http://www.mfa.gov.tr/turkiye-irak-ekonomik-iliskileri-ve-turkiye_nin-yeniden-imar-surecine-katkisi.tr.mfa)

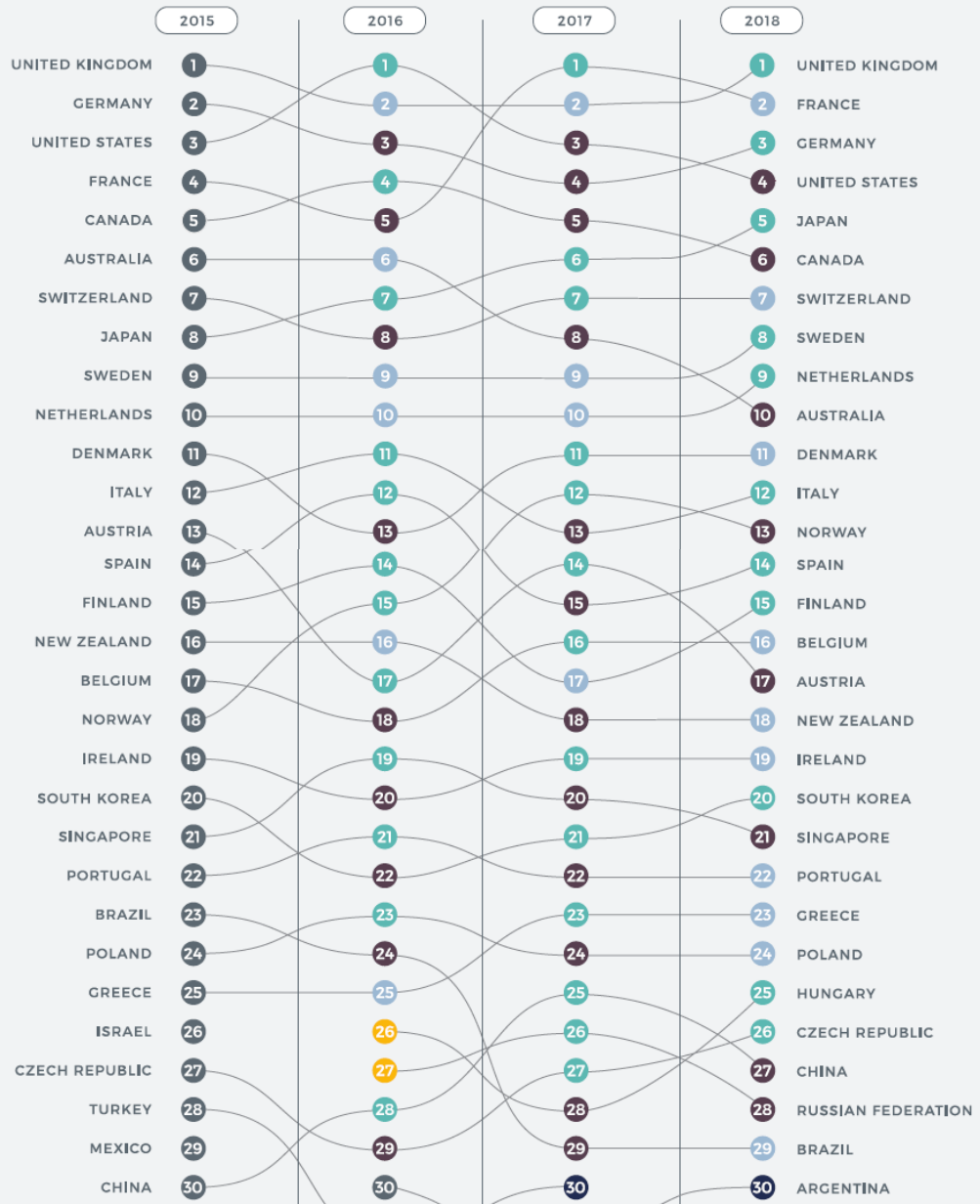
142. Çandar C. Batı'dan Doğu'ya Doğru mu? [Электронный ресурс] // Radikal.

– Режим доступа:

<http://www.radikal.com.tr/Radikal.aspx?aType=RadikalYazar&ArticleID=1002106&Yazar=CENG%DDZ%20%C7ANDAR&CategoryID=97>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

YEAR ON YEAR COMPARISON

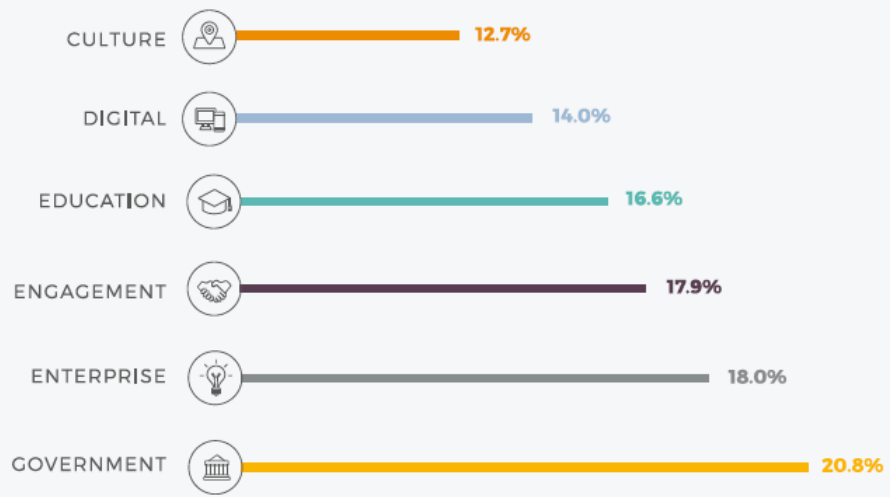

Figure 5 -
Weighting of the objective sub-indices

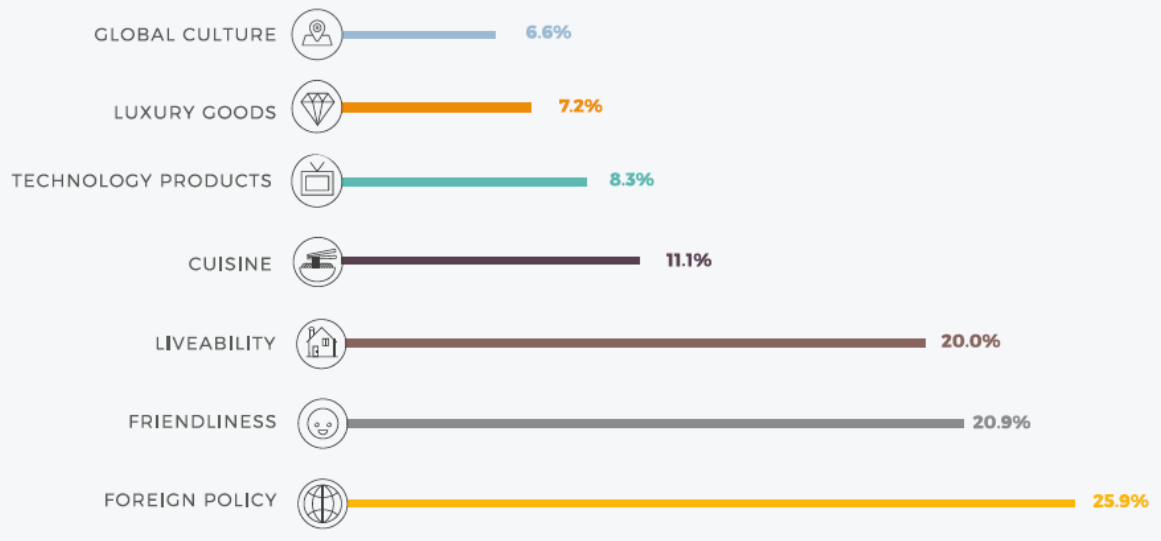
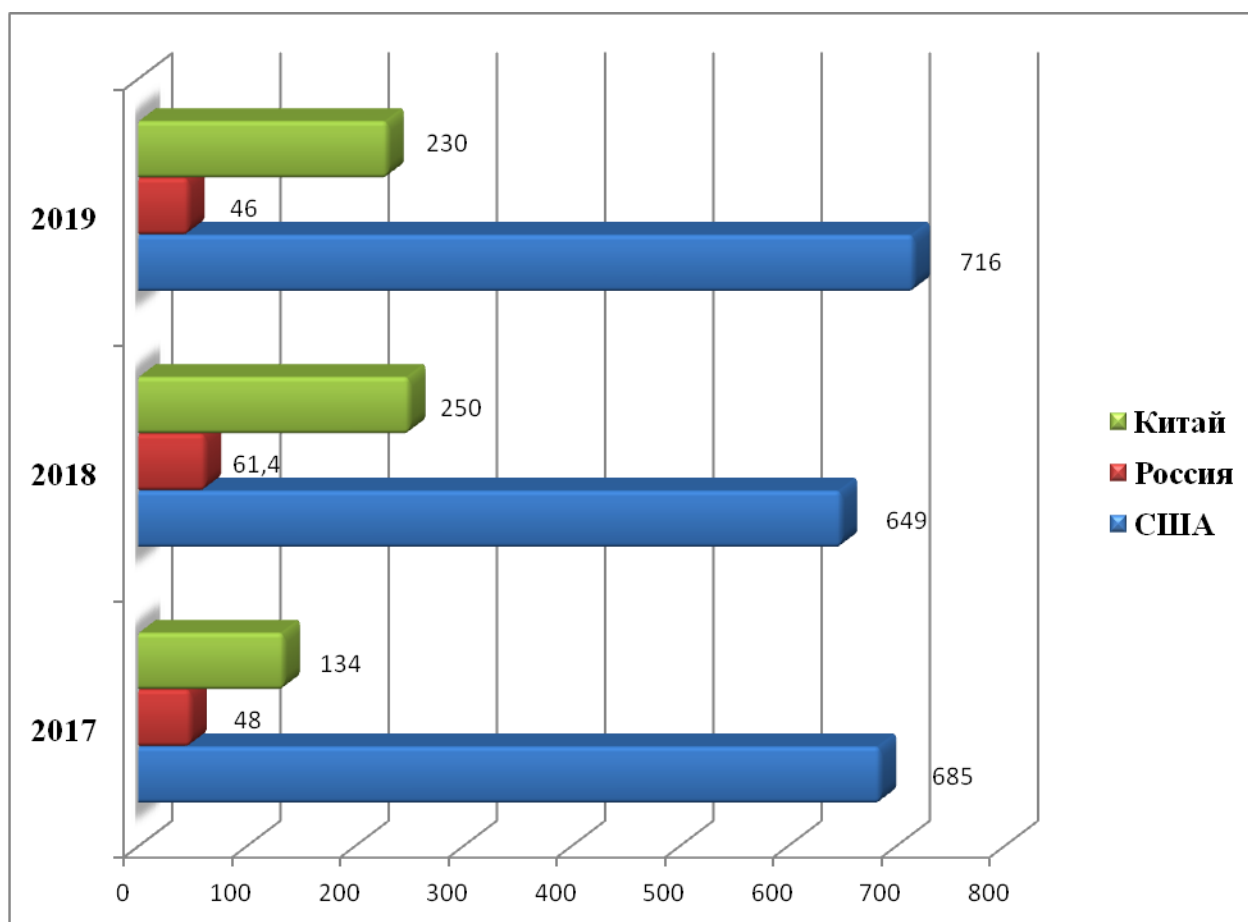
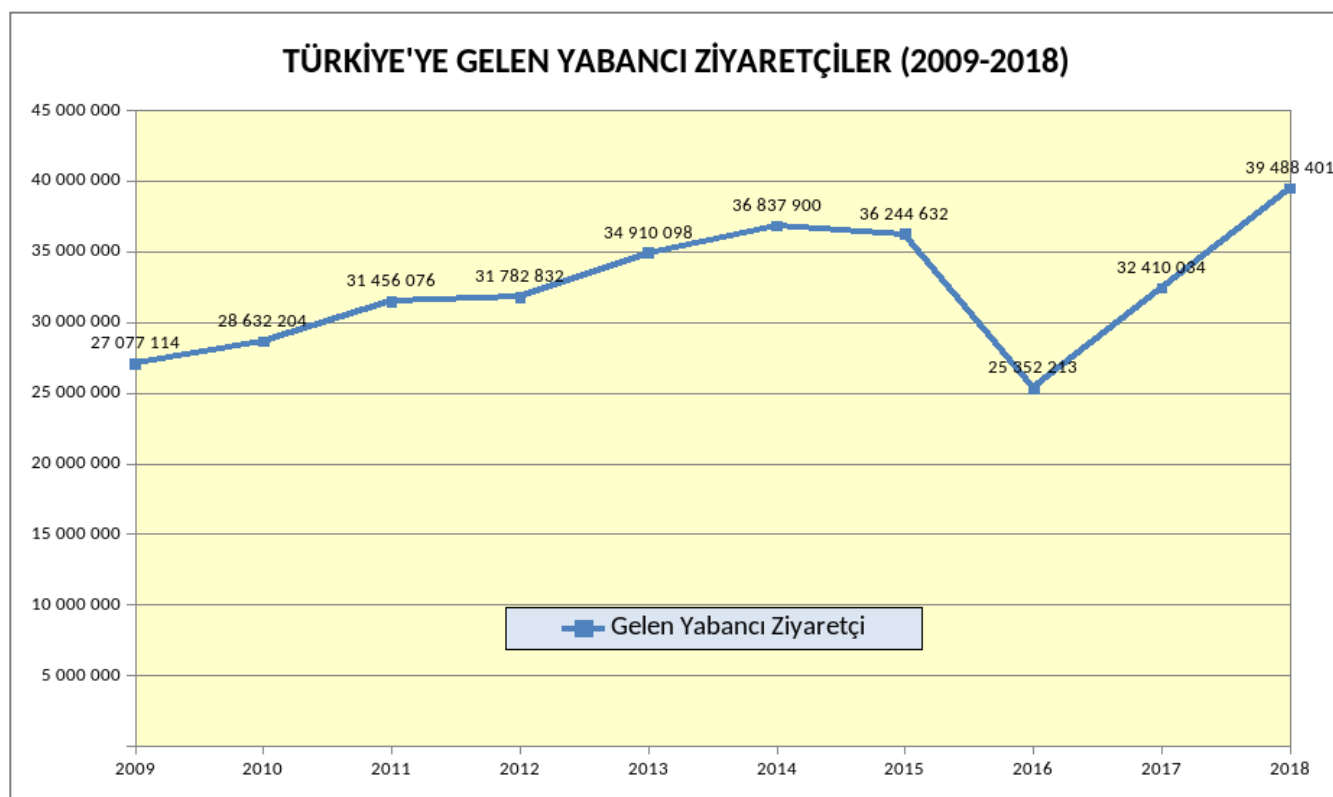

Figure 6 -
Weighting of the polling categories

Оборонный бюджет стран с передовыми военными технологиями

Статистика посетивших Турцию иностранных туристов за 2009-2018 гг.¹

¹ Yıllık Bültenler. 2018 Yılı Sınır Giriş-Çıkış İstatistikleri [Электронный ресурс] // Т.С. Kültür ve Turizm Bakanlığı. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.by/view/0/?*=wc7i4f.